

АЛЕКСЕ́Й НАВРО́В

РЫ́
НА ТЕНЕ

Алексей Лавров
Руны на теле
Серия «Магия Гардарики», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70260061*

Аннотация

Артём продолжает воевать, постигать магию и правду Гардарики.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	66
Глава 5	91
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алексей Лавров

Руны на теле

Глава 1

По традиции начинаю новый том разговором с пытливым читателем. Кажется ему, что главный герой какой-то не такой. Артём просто сволочь, каких не бывает!

И автор осторожно уточнит, где не бывает? В жизни или в книгах? Если пытливый читатель не видит разницы, пусть отложит эту книжку и делает уже уроки на завтра – рано ему ещё.

А взрослый пытливый читатель задумается, почему повсеместно обитающая сволочь обыкновенная начисто отсутствует в литературе. Не, в книгах полно мрачных и тупых злодеев, которых пачками выносят умные и обаятельные положительные персонажи! Отчего же умные и обаятельные сволочи не пинают в книгах положительных персонажей? В жизни ведь такое сплошь и рядом!

В виде творческого эксперимента фантастика и фэнтези должны привлечь на роль героев нормальных людей или сволочей обыкновенных – эти жанры сами изначально задумывались как эксперимент. И что мы видим?

У меня есть целых полтора примера. Половинкой я счи-

таю «Стальная крыса» Гарри Гаррисона в самом начале первой книги. Дальше герой всё понимает, становится положительным и борется со злом – пачками выносит мрачных и тупых злодеев.

Целый пример – предыстория юного Стэна из «Волчьих миры» Кристофер Коул и Алан Банч. Собственно эта книга должна была стать единственной. Отомстил Стэн барону, зарезал нахрен, не вдаваясь в моральные аспекты – молодец Стэн. А принялся в других книгах бороться со злом, стал одним из тысяч положительных персонажей – вызывает зевоту.

Причём все понимают, что положительные персонажи в жизни в чистом виде не встречаются. Их придумали, чтобы они отстаивали добро, или тот набор установок, который принято считать добром.

Историю пишут победители – это знают все. Мало кто понимает, что они и формируют набор, определяют, что есть добро. Давайте же с точки зрения последней версии добра посмотрим на историю.

Сначала на Русь пришли варяги и победили. Что про это написали наёмные хроникёры? Их, оказывается, призывали! «Земля наша обильна, но порядка в ней нет. Приидите и владейте». Выборов и референдумов не проводили, тупо резали всех, кто не согласен. Да они просто узурпировали власть!

Ладно, поверим варягам – принесли они порядок. Все зажили счастливо? Нефига подобного, тупые, жадные и кос-

ные злодеи из местных строили козни и даже пытались сопротивляться. Мужа княгини Ольги зарезали за разбой, а она их всех сожгла, что являлось натуральным геноцидом!

Тогда князь Володя принял Православие, что потом отчего-то назовут Крещением Руси. Уж не потому ли, что князь всякого, кто не станет православным, объявил личным врагом?

Но как же свобода совести?! Этот серийный убийца, многоженец и клятвопреступник просто силой искоренял исконные верования тупых, жадных и косных местных племён! Референдумов не проводили, крещение сопровождалось разрушением культовых сооружений и множеством актов геноцида, что никем и не оспаривается.

Ладно, решили местные, пусть бог будет один, он любовь, всех простим и всё такое. Главное, чтоб не было войны, и смеялись дети. Приняли наши предки Православие и зажили счастливо? Ага, три раза.

Бог послал на них Монголо-татарское нашествие, а потом одноимённое иго. По версии церкви за грехи тупых, жадных и косных местных. Только раньше, до принятия Православия, почему-то не посылал. Язычники меньше грешили, или бог ждал, когда в него поверят?

Монголо-татарское иго прямо с нашествия принято считать одним сплошным геноцидом, даже непонятно, как хватило сил монголо-татар скинуть. Вообще, с игом история мутная, ясно только, что выборов и референдумов не про-

водили.

Зато после ига сверху уселись цари! Правили они долго, здесь я упомяну лишь три момента. Грекам показалось мало Крещения, они устроили Реформу и Раскол, которые тоже сопровождались массовыми погромами свободы совести и актами геноцида.

Цари воссоздавали в прежних границах Золотую Орду, от которой ранее со скандалом отделились, но со столицей в другом месте и с собой любимыми во главе.

Всем царям, особенно Петру 1-му сильно мешали жадность, тупость и косность местных. Эти дикари, видите ли, хотели жить и даже иногда кушать!

Мешали царям местные, мешали. Цари с ними боролись-боролись. И вот без референдумов и выборов самодержавие свергли, к власти пришли большевики.

Эти энергичные ребята круто взялись за всех, а за церковных отдельно, так что как влияющая на умы сила они перестали существовать. Однако нет тут никакого злорадства, повторюсь – досталось всем.

Историки спорят, кто сделал больше, монголо-татары за триста лет или красные за время правления. Лично я считаю, что будь у монголо-татар наганы и пулемёты, они и за триста лет всё равно не угнались бы за коммунистами.

Кстати, если не забыли, к чему я всё это завёл, в каждый момент существовала своя, адаптированная к текущим реалиям версия добра. Вот это всё всегда было добро, понима-

ете? Пусть оно и зло, с сегодняшней точки зрения.

Но вот наступило счастливое сегодня, согласно последней версии добра провели всё-таки референдумы и выборы! И коммунистов скинули. РСФСР первая вышла из Советского Союза. К власти пришли тупые, жадные и косные местные?

Увы, пока не пришли, ещё чешут репу, на кой им это упало. Обычный человек о власти не волнуется. Он больше думает о себе и своих близких. Далее его работа, деловые интересы. Только на третьем месте политика страны. А всё остальное вообще философия.

То есть избирателям фиолетово, пока их лично не трогают, и власти этим пользуются. Они могут вести какую угодно политику, делать, что нравится, главное чтоб электорат не волновался.

Не! Мы все обязаны иметь мнение по любому поводу! Так девяносто процентов считают, что надо возвращать смертную казнь. Журналист прямо в телевизоре спросил об этом депутата Хинштейна, и что тот сказал в прямом эфире?

Смертную казнь не вернут никогда, он лично против, а что избиратели другого мнения – так депутаты и должны быть умнее и добрее народа.

Нормально? Депутата Хинштейна выбрали потому, что он там самый добрый и умный! Его избирателям совсем не нужно, чтобы их депутат продвигал их волю.

Ну, ни одного такого депутата ещё... э... не подвергли

укоризне. Он же за добро! И его избиратели за добро! Такие люди напоминают мне моего дедушку. Он был очень хорошим человеком.

Воевал в Гражданскую Войну красным командиром за счастье и освобождение. Стал красным директором и всегда был настоящим коммунистом.

На Великую Отечественную дед не попал по возрасту, и вот уже после войны на его руках умирает мамина младшая сестрёнка от дифтерии. Он так плакал, так этого не хотел!

А в тот же момент из страны победительницы даром везли хлеб в братскую Польшу и в братскую Чехословакию. Этот хлеб могли продать и купить у буржуев вакцины детям. Но Валя умерла потому, что так решили коммунисты. Потому что мой дедушка был очень хорошим человеком.

Ещё недавно всем казалось, что хорошие люди будут править Россией всегда, что никогда не закончится коммунистический морок. Я лично считаю, что в начале СВО нашим солдатам приказали не стрелять в украинских военных просто потому, что все думали, что наши сами ни за что не станут стрелять в украинцев.

Однако не только украинских военных обрабатывала пропаганда, в России выросло целое поколение без коммунизма. Эти ребята могут путать царей и вождей – всё равно это просто история – зато для них не существует братских народов. Парни прекрасно стреляют в чужих.

Даже в США крепнет мнение, что напрасно они относи-

лись к России, как к СССР. Новая Россия хорошо понимает, что ей на самом деле нужно, и на «всё хорошее» русские более не ведутся. Они его просто в школе не проходят.

И дело ведь не только в украинцах, всё больше набирает популярности тема вообще мигрантов. Да, некоторые из них ведут себя вызывающе и создают информационные поводы. Ну, привыкли так себя вести в России люди из ближнего зарубежья. И в сотне тысяч людей из любой страны обязательно найдутся придурки.

Суть-то как раз в том, что без политического запроса информационные поводы не раскручивают. Для своих избирателей честные, работающие мигранты – конкуренты, которых можно и нужно убрать.

Мигранты согласны работать за меньшие деньги и все заработки отправляют домой. Кто-то обогащается, а народу одно расстройство. Тот же хлеб братским народам, вид сбоку.

Только поэтому мигранты чужие, и тут политикам трудно даже постоять в стороне молча. Новая Россия, которая уже начала стрелять в чужих, никому не оставит шансов...

Хотя видно будет, а я привёл эту картинку как иллюстрацию, что Россия изменилась и меняется. Новое поколение не ест коммунистическое добро, ему нужно своё собственное.

Забавно, что коммунисты громче всех говорят, что стране нужна идеология, и предлагают те же помои, от которых

один раз уже отвернулись. Их, конечно, «не слышат» власти – сами в своё время нахлебались из этого ведёрка.

И тут я такой с Гардарикой и с Артёмом. Сам понимаю, что в них нет ничего хорошего, однако везде для всех хорошего просто не бывает. Один в них несомненный плюс – их не существует.

Это просто эксперимент, который может принести полезные результаты. Новая идеология всё равно сложится, и я буду только рад, что предвидел её отдельные элементы.

Потому, и Артём не вполне обычный герой для читающей публики, и Гардарика очень своеобразный мир. Для своего удобства сначала рассмотрю Гардарику.

* * *

Итак, в ней русские всегда знали только свои интересы. Живут они в княжествах, где все вокруг свои. Говорят по-русски, родня вся в княжестве, и деньги тратят только у своих.

И тут приезжает такой иностранец. Покупает дом, селит соплеменников, заводит бизнес. Когда дом сожгут, а иностранца с соплеменниками грохнут? Как только местные увидят их рожи.

Можете не верить, но это обычная история для российских селений, где есть полиция, права, и заправляли коммунисты. Это работает на уровне инстинкта. В сложном клима-

те, если не свой, то конкурент, а значит враг. Когда некому за человека заступиться – это как команда «фас».

А в Гардарике иностранцу стать русским своим очень сложно даже в городах, нужно оставаться конкретному русскому весьма полезным. Только очень редкие специалисты могли приехать в Гардарику заработать по длительному контракту, так преподаватели в университетах приглашались лично князьями. А большинству ничего не обещали, не заключали длительных договоров.

Им почти всю жизнь приходилось оставаться бесправными иностранцами. За любую провинность казнь или высылка. Перестал устраивать покровителя, он нашёл лучше, просто высылка.

Чтобы стать подданным княжества, нужно прожить двадцать лет испытательного срока или там родиться, и подданные папа или мама должны признать родство.

Браки с иностранцами ничего не меняют, поскольку их тупо не регистрируют. А если подданный зарегистрировал брак по другим законам, он подданства автоматически лишается.

Серёжа не говорил Артёму про бабушку, думал, что тот сам всё понимает. Тёме без разницы, а читателю я расскажу, что бабушка Серёжи у себя во Франции с детства при Православной миссии изучала русский язык и литературу.

Она с самого начала думала, как уехать в Гардарику, а родители радовались за дочку и поддерживали. Учили в мис-

сии бесплатно, даже кормили и откармливали особо тощих, но строго отбирали сначала по внешнему виду, далее многих отсеивали за не успешность.

Само собой требовалось перейти в Православие. Можно было попытаться счастья и в католической русской миссии, но туда пришлось бы ездить, и католиков в Гардарике мало.

И вот её выбрал русский путешественник! Не, она, конечно, могла отказаться, но в миссию ведь больше не пустят, и даже родители не поймут. Русский внёс положенное пожертвование, а с юной бабушкой Серёжи заключил годовой контракт.

Она стала ему прислугой, а он Серёже дедушкой. Она получала не меньше русских, однако ей приходилось идти на многое, чтобы Серёжин дедушка каждый раз продлевал контракт.

Родился её сынок, дедушка Серёжи его признал, и малыш стал подданным княжества. Однако его маме папа продлял контракт только на год, и каждый раз мог отправить её домой. Она молилась и учила сына говорить по-французски.

Наверно, дед бабушку любил и продлял контракты девятнадцать раз, а нервировал её каждый год из-за русской вредности. Бабушка уже нянчила самого Серёжу и гадала – продлит, не продлит...

Изначально прислугу заводили богачи, но с девятнадцатого века средние служащие тоже могли себе позволить привезти из Европы горничную. Каждая новая девушка означа-

ла очередной взнос в миссию, и служащие брали только одну.

Привезти девицу стоило дороже женитьбы, но считалось престижным, и девушки так старались! Каждый год приближал их к подданству! И даже год в Гардарике с одним мужем приносил на всём готовом втрое больше проституции на родине.

* * *

А над тем, чтобы в Гардарiku стремились самые хорошенькие девицы и самые умелые мастера Европы, изо дня в день работали её заправилы. Они выкручивали руки, ставили в положение и вымогали – Гардарика твёрдо следовала лишь своим интересам.

Русских принято считать добродушными мечтателями и сумасбродами. Ну, в каждом народе есть такие представители. И всё хорошее вспоминается намного проще, чем всякие неприятности типа подвешивания за нижние конечности. Но пусть, согласимся, что русские все мечтатели. Так ведь Гардарика состоит не из одних русских княжеств!

Печенегов или татар не назвать слишком оторванными от реальности. Степнякам повезло подружиться с русскими княжествами, встать у начала Гардарики, и они искренне считали, что русский интернационализм должен ими и ограничиться.

Русские всех жалеют, и многие бояре готовы принять

в Гардарику другие земли, но каждый раз слышат твёрдое степное «нет». Если их принять, на них распространяться все договорённости, тогда как прикажете их грабить? На кого совершать набеги?

Один раз сдуру признали Молдавское королевство за какую-то дань, и что? Молдаване выплатили всё за смешные сорок лет! Шестьсот лет назад! Не, больше такой номер не пройдёт!

Русские рассуждают просто, для большинства есть только два народа, русские и нерусские. Получат нерусские в советах больше мест, им надо радоваться.

А если печенеги и татары разные народы, у них есть свои княжества, свои интересы? Русские от приёма кого-то изменений почти не почувствуют, а для степняков это серьёзная потеря влияния.

И новые земли усложнят отношения, а нерусские княжества более всех русских заинтересованы в процветании и крепости Гардарики. У них свои княжества, где они правят, как хотят. В советах у них влияние, с раздробленными на княжества русскими легче дружить, проще договариваться.

А если русские сольются в одно государство?! Тогда вместо княжеств, максимум, опереточные автономии. Вместо советов министерства, а всё влияние обернётся шутовским колпаком. Нет-нет, всё и так слишком хорошо, а будет ещё лучше! И пусть весь мир за это платит!

Даже в королевствах граждане жили намного лучше, чем в Европе, и самое западнически настроенное княжество просто боялось заикнуться о выходе из Гардарики. Все прекрасно понимали, что будет дальше, ведь всё познаётся в сравнении.

Земли Кавказа, Закавказья и Средней Азии никогда не войдут в Гардарику. Есть интерес у Гардарики в создании там национальных государств? Где-то мычат о каких-то правах народов, да какая разница, что там мычат! Потому никаких государств, так и останутся беи, баи, эмиры, ханы и халифы. У них не может быть национальных интересов, и нерусские княжества с подозрением относятся к образованиям, больше себя.

Везде построены религиозные миссии, чаще мусульманские, но есть и все остальные. В них многие ходят и стучат на всех подряд. Там учат язык, получают профессиональные начала, чтобы уехать вахтовым методом, куда русских едет очень мало, а инфраструктуру строить нужно. В основном дороги на Дальнем Востоке.

Никого не заставляют и не уговаривают. Не нравится – за лепёшку и горсть риса в день работай на баев, трудись на хлопковых полях и маковых плантациях. А хлеб выращивать не нужно, его выгоднее привозить с севера. Гардарики выгодно, местных никто не спрашивает.

Все миссии правильно расположены, контролируют логистику, и на них много войск, включая авиацию. Во всём мире

миссии называют военными базами, но это, конечно, не так. Какие базы на чужой территории без разрешения? Только мирные религиозные миссии под охраной!

Это несправедливо, за опий и хлопок мало платят, и в результате напали на миссии? Убитых жаль, и за них идут карать войска Гардарики. Большинство солдат местные. Лучше стрелять в соплеменников, чем попасть на вахту или вообще на поля.

Народу после карательных экспедиций ощутимо убавляется, но уже подрастают новые, а бай будет другой, ещё злее, ведь ему приходится ещё больше эксплуатировать простой народ, чтобы свести концы. А то ведь всегда найдутся желающие сесть на его место.

То есть вела себя Гардарика, как нормальная империалистическая страна – ничего в колониях не строила, держала аборигенов на грани и жутко эксплуатировала. Неприятный вариант, но так хотя бы никто не удивлялся, а за что же там не любят русских!

Поведение Гардарики часто европейцами критиковалось. Они требовали соблюдения гуманитарных норм, защиты прав и международного контроля. Представители Гардарики не могли понять столь сложных построений.

Но вот началась великая война. В Среднюю Азию поехали европейские эмиссары с пламенными призывами. Многие беи и байы думали, что Гардарике сейчас явно не до них, и Бухарский эмир решил устроить у себя европейское пред-

ставительство.

На другой день без объяснений снабжение Бухары перекрыли, и войска начали карательную операцию...

Ну, Англии и СССР в 1941-м тоже, вроде, было сильно не до Ирана, однако войска нашлись. Так и тут. На третий день бухарского эмира выдали свои же, и того посадили на кол, а карательная операция продолжалась ещё два дня. Солдатам из местных слишком хорошо платили за работу.

В результате всем эмиссарам Европы по всей Средней Азии резали умные головы и подносили представителям Гардарики на тарелочках с голубой каёмочкой.

Представители Гардарики, как положено, ходили в шортах и пробковых шлемах, хлопали беев и баев по пухлым щёчкам и предлагали добровольцам записываться в армию.

Руководители за тысячу голов получают тысячу рублей, добровольцам обычная плата стрелка и доплаты за результаты. И никакого подданства, все живые вернутся домой.

Желающие пёрли валом! Первые восточные дивизии заканчивают обучение и отправляются на фронт...

– Ладно, – скажет пытливый читатель. – Хлопок понятно, идёт в Гардарику, но куда сбывается опий?

А это и есть самое интересное. Потерпела бы милая Гардарика любой намёк даже на потенциальную конкуренцию в Средней Азии? Наверное, нет. Но так уж исторически сложилось, что реагировать пока не требовалось. Оно само сложилась, честно-честно.

Про то, что Российская Империя участвовала в опиумных войнах против Китая, все слышали? Так Гардарика ничем не хуже или не лучше. Правда, в войнах не участвовала, но плодами охотно воспользовалась. Ну, кто бы ей помешал? Увещевания Европы? Добрые европейцы сами нагибали Китай и почти столетие продавали китайцам опиум.

Япония начала против Китая войну. Она захватила порты и выкинула европейцев с рынка, однако самой взять столько опия негде, цены выросли. А на севере есть Гардарика.

Не! Она не причём – это всё некоторые дельцы ведут тёмные дела! А сама Гардарика даже во время тяжелейшей войны поставляет в Китай оружие! Чтобы китайцы отбивались от японцев!

Чтобы отдельным деятелям было кому продавать опиум. И китайцы хорошо уловили правило: чем больше они борются с опиумом, тем меньше поставляется оружия, и тем оно становится дороже.

Китайцы ничем не лучше других, на кого Гардарика плевать хотела. Это просто национальные интересы, конкурентные преимущества.

Лишь благодаря предательству интересов России, благодаря коммунистам Китай объединился, создал вооружённые силы и предал СССР. Но нет в мире магии СССР и коммунистов, Китай там всегда будет раздробленным, вечно воюющим и наркозависимым...

Вам всё равно уже стыдно перед китайцами? Даже дума-

ющим и честным жителям Гардарики совестно. Однако бояре уверены, что лучше пусть им будет стыдно перед китайцами. Чем наоборот.

* * *

Вот в такой мир попал Артём, в такой Гардарике он стал боярином. На этом фоне парнишка уже не кажется последним подонком? Обычный парень...

Да, я наделил его магической силой и мощным интеллектом, но что он иногда несёт – самому смешно. Ведь интеллект и магия не меняет его сути, Артём – обычный мальчик из маленького городка.

В нём много от brave солдата Швейка, обожаю Гашека, но не больше, чем в обычном человеке от сумасшедшего. Тёма служит в армии Гардарики, но и там не больше дурдома, чем в любой другой человеческой организации.

– Но он же настоящий фашист! – воскликнет пытливый читатель. – Нормальные люди столько не убивают!

И пусть я снова рискую одолеть читателя занудством, однако осмелюсь утверждать, что все обычные люди фашисты. Только не путайте с нацизмом! Нацисты – это сорт социалистов, они считают необходимым убивать плохих, чтоб остались одни хорошие. Нацисты в своей нише делят людей по национальным признакам.

А фаши – это розга. Фашизм – это просто способ реше-

ния всех проблем самым простым и энергичным способом. Грубо говоря, фашист не пишет заявление в суд, а сразу бьёт обидчику морду.

Ёлки! Да большинство заключённых в тюрьмах фашисты! Парню не заплатили за работу, и он прям при хозяине забрал поросят и продал. Парень уехал в другую страну, за девять тысяч километров. Прошло время, и сам хозяин умер, но он-то был необычный – по его заявлению парня берут на вокзале, когда тот покупал билеты на родину, и закрывают в российское СИЗО. Три месяца до суда, сто тысяч адвокату. Этого обычного парня я знал лично.

Обычные парни всегда решают проблемы прямым, простейшим способом, ведь им всегда не хватает времени. Им некогда подумать, что их решение проблем приносит новые осложнения. Такой образ жизни можно назвать дурацким, но, тем не менее, он массовый.

Просто дураков всегда большинство в любом обществе. Только не спешите обижаться! Отдельные люди в жизни могут быть какими угодно. У большинства это проходит, других оно убивает, третьи так и живут, всю свою долгую жизнь делая окружающих несчастными. Герой у меня просто молодой ещё...

– Но Тёма всё-таки прямо убивает живых людей! – заметит пытливый читатель.

А я отвечу, что парень стал боярином в мире магии. Не были боярами? Значит, и нефиг Тёму судить, не он это

всё придумал. Тут решает каждый за себя. Можно отказаться от боярства, стать обычным магом. Или что-то стараться доказать обществу, отвечать за свои слова головой. И убивать.

Европа напала на Гардарику, и Артём идёт на войну. Только не надо возражать, что нам ничего о войне не известно! Кошмар ведь просто! Все ведь знают о Сталинградской операции? Ужасная, кровавая страница!

Многие даже слышали о доме Павлова и гордятся героизмом. Что там творилось – уму непостижимо. Сам Павлов, оказывается, выжил, и вот уже после Войны его, ещё молодого и энергичного, приглашают на Голубой Огонёк.

Ведущий просит его рассказать о войне, и Павлов говорит, что они в том доме крепко сдружились. В его подчинении были люди разных национальностей: русские, белорусы, украинцы, аварцы, лезгины...

Сначала я подумал, как он там отличал лезгин от аварцев. Ещё через три минуты мне стало интересно, сколько же всего в отряде было бойцов? Отряд получался крупным. А когда Павлов закончил вспоминать, я его даже немного пожалел – бедняге пришлось долго запоминать слова.

Однако смысл рассказа простой, победила там дружба народов. Только я отчего-то не верил герою. Если бы его бойцы не понимали по-русски, нефига бы они не победили. И если бы они отвлекались от решения боевых задач на всякую ерунду, Павлов не сидел бы в студии.

А самое главное, если бы там победила дружба народов,

герой Сталинграда на Голубом Огоньке не стал бы долго и нудно вспоминать все эти национальности. Дружба народов, или есть по умолчанию, и о ней забывают говорить, или её нет.

Пусть оно пахнет фашизмом, но я тогда понял, что побеждать стали, когда засунули дружбу народов подальше. Когда все стали не русские, немцы и далее по списку, а «свои» и «чужие».

На войне каждый просто выполнял понятные приказы, поскольку никого не волновала его национальность. Особенно когда закапывали в братских могилах.

Дружба народов понадобилась коммунистам после войны, её достали обратно, притащили на Голубой Огонёк и заставили бедного Павлова учить этот дурацкий текст. Но не было в Гардарике коммунистов, никому дружба народов никуда не упала.

Вот Серёжу можно назвать французом, скорее всего, были в подчинении Артёма люди и других национальностей, однако мой герой на подобную ерунду не обращал внимания.

Это можно считать фашизмом? А по мне это настоящая дружба народов, о которой нет смысла постоянно повторять. В любом случае какая-то дружба точно была, иначе, наши бы не победили.

Итак, что получается в результате, если не прибегать к резким определениям? Тёма обычный молодой парень на войне, о которой никто ничего толком не знает. Известно

лишь, что там была некая дружба, и всегда нужны быстрые решения. Всего лишь! А вы – сволочь, фашист...

Глава 2

В печали я уходил из гостиницы. С ней закончилась часть моей жизни. Да, её захват укладывался в план Дымова и являлся простой контратакой...

С детства ненавижу слово «контратака»! Атаковать следует первым и только один раз. Не всегда получается избежать вражеских атак, слово «контр» лишний раз об этом напоминает и бесит ещё больше.

Но злился я не только на Алёшу. Всерьёз ведь надеялся дождаться войска Гардарики в относительном комфорте, с регулярным горячим питанием, отоплением и горячим душем. И война снова напомнила о себе, никакого комфорта не будет. Чтобы пришла Гардарика, я должен больше убивать европейцев. Других вариантов у меня нет.

Вот явился я к Оксане, и мне дали отдохнуть? Отряд к моему приходу уже помогал отражать очередную атаку. Сразу выдали мне немецкую винтовку. Не, русские не хуже, просто в нашей ситуации намного легче с немецкими боеприпасами.

Серёжу с рацией посадил в относительно безопасное место в глубине дома и приказал её охранять. Терять Серёж слишком часто мне не хотелось и у него ведь рация! И так не-маги вокруг постоянно гибнут...

Ну, а про военных магов с винтовками я уже говорил,

на дистанции до двухсот метров мы превосходим снайперов. В городе дальше целиться почти что и некуда. Оборона получила сразу три десятка снайперов.

Наши потери резко пошли на убыль и стали эпизодическими, а вражеские штурмы заканчивались раньше. Магам приходилось часто менять позиции и постоянно щёлкать магазинами – девчата заряжали, это у них получается лучше всего.

Танкоопасные участки загромождали почерневшие от копоти туши французских танков, подорвались на минах. Разминировать же не позволял постоянный огонь из дома. Вперёд шла пехота.

Неприятель накопил значительные резервы. Вражеские атаки шли с разных сторон, иногда даже со всех сразу, с минимальными перерывами на миномётные обстрелы, а чаще вообще без оных. Девчата лупили из пулемётов и кидали гранаты, это у них тоже неплохо получалось.

Около полудня прогремел мощный взрыв, и в районе гостиницы появился столб пыли и дыма. Однако французы не сделали перерыва на обед, наверное, действительно нечем стало кормить солдат. Девочки наполняли магазины и делали бутерброды.

Я кусал, пережёвывая, стрелял и думал, что ещё не встречал на своей войне голодных русских солдат и откормленных европейцев. Пока всё происходит почему-то наоборот.

А без лирики немного злило однообразие. С началом оче-

редного обстрела из миномётов пошёл мой отряд в столь не любимую мной контратаку на западном направлении.

Неприятель к ответному нападению совсем не готовился, привык сука воевать с бабами. Французам тут просто машины утилизации голодных солдат, что ли!

Преодолели мы пространство до соседнего дома и закидали окна гранатами. Врываемся внутрь, короткая стрельба, а я так сразу вытащил нож. Ещё не закончилась рукопашная, из окон на другую сторону заработали наши ручные пулемёты.

Прикрывались домом вражеские миномётчики, и колоннами во весь рост подходили солдаты. Все они полегли, и отряд начал оборонять новые позиции. Вскоре приехала пара французских танков. Не дожидаясь их выстрелов, я приказал наставить противопехотных мин и отходить.

Через две-три вражеские атаки с той стороны полетели мины. Я решил снова сходить, просто посмотреть, на месте ли танки. Осторожно преодолели пустое пространство, трах-бабах и ёлы-палы.

Выглядываем в окна с другой стороны – стоят танки, нас ждут. Даже миномётчиков обстреливать не стали, сразу дёру, однако два танка вlepили по снаряду в окна и осколками заделали троих наших бойцов.

Уже хорошо, что стоят танки французов, караулят. Думаю, а как обстоят дела с других сторон света? Не зря говорят, что любопытство губит кошку. Через пару атак сходили

проверить восточное направление.

И вы будете, наверное, смеяться, не было там танков! Отряд их немного подождал и отошёл на старые позиции. Потом стороны, куда враг прислал уже танки, мы не тревожили, но до темноты добились, чтобы они ждали нас и на юге, и на севере.

* * *

С наступлением темноты противник активность резко снизил. Гарнизон регулярно запускал осветительные ракеты, огнём пулемётов пресекал попытки врага разминировать и утащить туши подбитых танков, варил на кострах кашу, разогревал тушёнку и запекал в золе картошку.

Оксана покрутила трофейное радио и поймала французскую пропаганду. Девочки из гостиницы, весело на меня поглядывая, переводили. Оказывается, сегодня утром случилось для всего прогрессивного человечества давно с нетерпением ожидаемое, радостное событие. Доблестные французы ликвидировали боярина Артёма Большова.

Сначала я подумал, что имелся в виду какой-то другой боярин, однофамилец и тёзка. Немного смущало всеобщее ликование, поздравляли даже японцы. Ну, не мог я всерьёз думать, что настолько достал весь мир!

Однако подробности не оставляли сомнений. Ликвидировали того ублюдочного боярина Большова, кто нахально да-

вал проклятым англичанам свои поганые интервью – девочки переводили со всеми эпитетами. И я даже слегка загордился.

Как только корреспонденты на местах получили известия о моей трагической гибели, они связались со своими штаб-квартирами в европейских столицах, и эта счастливая новость сразу стала главной.

Ведущие говорили, что разведка установила моё присутствие в гарнизоне окружённого города N, и вот случилось! Собаке собачья смерть, так будет с каждым, и теперь точно русские животные разбегутся.

Европейская радость прерывалась популярными песнями, зачитыванием поздравительных телеграмм и прямыми включениями общественных и политических деятелей – все просто вне себя от счастья.

Они тоже отзывались обо мне очень искренне и чисто по-европейски. Только на собственных похоронах узнаешь, как меня, оказывается, ценят! Некоторые договорились до того, что стоило напасть на Гардарику уже лишь затем, чтобы ликвидировать этукую мразь. Прямо неловко разочаровывать столько народу!

Особенное моё внимание привлекли интервью по телефону с участниками событий. Первым включили Пьера Нийёма. Он рассказал, что русские варвары захватили гостиницу, которая тесно соседствовала со зданием его банка «Али Гоффрейн».

Это очень хороший банк, очень надёжный! «Али Гофfreyн» ведёт операции по всему миру, даже в Гардарике...

Ведущий попросил не отвлекаться, и Пьер продолжил. Как владеющий русским языком он пошёл к русским и высказался об их неподобающем поведении. Дикари его почему-то не убили, накормили макаронами с колбасой и продали мясных консервов по триста франков за банку.

Не нужно ужасаться, сейчас в городе N такие цены. И банк «Али Гофfreyн» готов идти на любые жертвы, ведь это очень хороший банк, очень надёжный! «Али Гофfreyн» ведёт операции по всему миру, даже в Гардарике...

Ведущий его нетерпеливо прервал и попросил переходить к делу. Пьер сказал, что приходил к русским ещё целых три раза, третий раз по просьбе главного даже забрал с собой русскую бабушку. Он опознал их предводителя, это был боярин Большов, как с фотографии.

Пьер сразу доложил, куда следует, ведь он ответственный сотрудник, его так воспитали в банке «Али Гофfreyн». Ведь это очень хороший банк, очень надёжный! «Али Гофfreyн» ведёт операции по всему миру, даже в Гардарике...

Ведущий выключил Пьера, не прощаясь, и сказал, что появилась возможность подключить ту самую бабушку. Она назвалась Франсуазой Сидоркиной, в девичестве Лореан. Родилась она во Франции и родители побоями заставляли её учить русский язык.

Потом приехал Вася Сидоркин и силой увёз её в Гардари-

ку. Тут из-за страха перед Васей она за 20 лет получила подданство, родила ему сыновей и дочек и вышла за него замуж.

Недавно Вася помер. Дети её и внуки воюют с просвещенной Европой, но она их осуждает! Франсуаза не стала никуда уезжать, никого не хотела стеснять, просто ждала чем кончится... э... то есть ждала европейцев!

Однако пришли русские и силой привели её в гостиницу, сказали помогать на кухне. Она тоже сразу узнала главаря, морда, как на фотографиях в газетах... э... французских! И другие русские при ней говорили ему «ещё не готово, Артём» или «куда ж в тебя лезет, боярин».

А потом за ней пришёл Пьер Нийём и увёл в здание банка «Али Гоффрейн». Её за знание русского языка взяли в штат! Ведь это очень хороший банк, очень надёжный! «Али Гоффрейн» ведёт операции по всему миру, даже в Гардарике...

Ведущий поспешно поблагодарил Франсуазу Сидоркину-Лореан и включил модный фокстрот, а за ним вывел в эфир полковника Дюбуа, военного из города N.

Тот грубым, решительным голосом доложил, что враг засел в гостинице, в полном окружении. Полковник командовал штурмом. От месье Пьера Нийома стало известно, что возглавлял гарнизон боярин Артём Большов.

Всех защитников перебили точно, хоть и не нашли труп Большова. Когда в гостиницу вошли французские солдаты, обнаружили много водки. Это гарантия, что русских всех убили, живые русские никогда бы не оставили водку врагу.

Выпить самим не хватило сил, а вылить не поднималась рука, тогда они заложили взрывчатку и включили замедление! Французские солдаты успели водку частично употребить на месте, частично унести, но взрыв был очень сильный!

Гостиница разрушена полностью, у банка во двор обвалилась стенка. А ведь это очень хороший банк, очень надёжный! «Али Гоффрейн» ведёт операции по всему миру, даже в Гардарике...

Ведущий что-то невнятно простонал и стал с военным прощаться. На этом месте я допил кипяток с вареньем и подумал, что у бабушки к счастью всё хорошо, а своё отношение к водке европейцы тупо переносят на нас. Хотел уже идти отдыхать, но принесло лично Алёшу Дымова.

* * *

Капитан сказал, что обстановка накаляется, враг атакует все изолированные дома и начал наступление на фронте. За сутки противником захвачено два объекта, один моя гостиница.

В город ввели все танки и все силы самообороны, полностью оголив восточные рубежи. Теперь следует ждать с востока немецкие части, к счастью они сюда не торопятся.

Однако нам и без них хватает натиска французов, только сегодня потеряно девять танков. Мои парни молодцы,

уничтожение каждой машины стоило французам немало, но враг готов платить любую цену и повышает ставки.

В этой ситуации необходимо увеличить плотность обороны. У нас нет резервов, значит, придётся уменьшать линию соприкосновения. Дымов решил по возможности сократить число объектов, то есть эвакуировать все изолированные гарнизоны.

– Ты в курсе, что тебя утром убили? – спросил он деловым тоном.

– Ага, по радио сказали, – кивнул я.

– Мертвецам не нужен отдых, – проговорил Лёша. – Ночью носите отсюда продукты и боеприпасы.

– Слушаю, – ответил я.

Разумеется, совсем без отдыха никто не сможет, опять разделил ночь пополам. Но это точно не из самоуправства, обессиленный маг становится уставшим обычным человеком и гибнет, как все. А я тут затем, чтобы гибли европейцы.

Необязательно самому давить на гашетку или тыкать ножиком, правильный и своевременный манёвр силами и средствами убивает вернее. И ведь не я один это понимаю. Ребята притащили в галереи много колясок и садовых тележек. На приличные расстояния практически бегом каждый тащит до ста килограмм.

Нам дали в помощь много других бойцов, поставлена задача – оставить дом до рассвета. Под утро Павлик соорудил мину из всего, что взрывается, установил на взрывателе за-

медление и под землёй уже запер за собой железную дверь.

Хотелось бы, конечно, дать врагу последний бой, встретить его в рукопашной, но он быстро умнеет, кидает гранаты в любое помещение, прежде чем зайти. Рукопашные устраиваем, когда атакуем сами, а уходим по-английски.

Проснулся я на новом адресе, но ничего почти не изменилось. Карту представляю себе отчётливо, видел этот дом ещё целым, тогда и придумывались как бы теоретически схемы обороны.

Спокойно берусь за привычную работу. Три десятка военных магов с винтовками в корне меняют ситуацию. А с нами ещё и отряд в сто тридцать ловких парней...

Уже всего сто тридцать. Но я знаю точно, приди мне в голову здесь засесть, мои парни останутся единственными и этот дом будет в гарнизоне последним. Не хочу быть последним, мы ещё можем всем помочь и всех спасти! Нужно ещё больше убивать!

Привычная работа, просто все стреляем. Днями в галереях движение замирает, все сильно заняты наверху. У парней и девочек усталые глаза, осунувшиеся лица. Стреляем, чтобы выжить, а выживаем, чтоб таскать боеприпасы. Ещё и продукты, жуём неохотно...

Днём убили нового Серёжу, увидел его вечером мёртвого среди других мертвецов. Как? Когда? Мне самому уже без разницы. Раскурочил топором рацию, чтоб не таскать — мне уже не понадобится. И снова разделили ночь пополам.

Впервые ощутил под землёй чужого мага. Без слов оставил свою тележку, ребята разберутся с грузом. Отошёл от отряда и выключил фонарь. Двигаюсь «по приборам», за счёт чувства направления и хорошего знания подземелья. А так хоть глаз выколи!

Иду к противнику, появляются подробности. С магом четверо обычных людей, они «светятся» слабее. Обхожу их и догоняю, враги идут осторожно, обшаривают лучами фонарей коридор перед собой.

Маг в середине, ещё меня не почувствовал. Я подхожу к ответвлению в канализацию. Беззвучно вытаскиваю «Парабеллум» и стреляю магу в голову. Сразу шаг в укрытие. Враги резко разворачиваются и нервно лупят из четырёх автоматов во тьму подземелья.

Они отстёгивают пустые магазины, и я с ножом ускоряюсь. Обычные люди мага не увидят, но сослепу застрелить могут. А так – три трупа падают на пол, четвёртому нож к шее и команда:

– Гоу.

Бедняга от ужаса сжался, подчиняется беспрекословно. Наверное, даже не прикидывал на себя такую ситуацию. Спокойно довёл его до своего дома. Короткий допрос, Наташа из гостиницы перевела.

Звать Анри, он специалист по разным подземельям. Пообещали очень хорошую зарплату, и работа пойдёт в зачёт службы в армии Европейского Союза.

Из Франции доставили самолётом. Здесь уже собрали группу, дали мага и поставили задачу составить грубую схему. Работают четвёртый день, ему достоверно известно о двух таких группах.

Я прострелил ему лоб и приказал:

– Убрать. И вызывайте капитана Дымова.

Управдома на новом адресе звали Таней. Она включила рацию на командной волне и вызвала капитана. Ей ответили женским голосом, что он сейчас занят. Если что-то срочное, придётся подождать. Таня сказала, что это срочно.

Через четверть часа Лёша отозвался:

– Говори.

– А и здоров ты спать! – заметил я. – Тебя не добудишься!

– Да, люблю это дело, – согласился Лёша. – С тобой вот поговорю, ещё один рейс и пойду в свою очередь отдыхать до утра. Докладывай, что случилось.

Я смущённо подумал, что дела у нас плохие, коли командующий не спит ночью, и рассказал про Анри. Из рации слышался вздох и печальный голос Дымова:

– Дождались. А нам бы ещё два-три дня! Ладно, переходим к другой схеме. Сегодня заканчивайте, что начали, а завтра ваша цель – свободная охота в галереях. Договоритесь об отдыхе...

– Уточни, чья цель, всего отряда или только магов? – спросил я.

– Пока не встретите серьёзное сопротивление, только магов, – сказал капитан. – Не-маги воюют днями и носят боеприпасы ночами.

– Понял, – проговорил я, и Лёша отключился.

Ну, я не командую гарнизоном, ещё не капитан и у меня, может, нервы – сразу пошёл отдыхать. Разбудила меня утром война. После обязательных утренних процедур я лично обошёл магов и приказал незаметно собраться в комнате у радио.

Парни просыпались или стреляли по врагу, отбивали первую атаку. Они удивлённо на меня оглядывались и растеряно говорили:

– Слушаю.

Мне тоже очень не нравилось уводить магов во время боя – без выстрелов наших винтовок, без магической поддержки многие не-маги в этом доме не увидят вечера. Но мы не можем быть везде и просто должны выполнять приказы. Командование лучше знает, что нам делать.

У рации сидела одна дежурная, но и она не заметила магов. Я строго приказал собраться на сутки боевого дежурства под землёй, взять с собой противопехотные мины. Парни пошли снаряжаться, запаслись едой, поменяли винтовки на автоматы.

Когда снова собрались, приказал идти за мной и повёл

в подвал. В подzemелье сухо начал инструктаж:

– Здесь не надо орать из-за грохота. Вчера в галереях я встретил группу неприятеля. По данным пленного, враг притащил со всей Европы специалистов по подземельям, они осваиваются. Доложил капитану, и он приказал нам немедленно начать свободную охоту под землёй, чтоб враг боялся и думать сюда спускаться.

– Встретил я группу ночью далековато от выходов на стороне врага. Скорей всего, европеец ничего не знает о нашей жизни. Днём он уже облазил ближайшие окрестности, а эти ночью рискнули сунуться дальше.

– Потому отряд разделён, как раньше – обе половины работают целый день, одна половина действует днём и ночью до четырёх утра, отдыхает до семи, другая начинает в три утра, работает весь день и уходит отдыхать в полночь.

– Маги гуляют сами по себе, только тотемные воины выбирают напарника. Я исключение, меня выбирать запрещаю.

– Ходите строго под землёй, на поверхность разрешено вылезти в случае крайней опасности и для быстрого перехода в другую ветку галерей.

– Вы чувствуете магов, так надо, чтоб пореже чувствовали. Работаете автономно, старайтесь держаться от своих подальше. Так мы охватим большую площадь.

– Экономьте патроны и особенно гранаты – взрыв в замкнутом пространстве это вам не на поверхности. Больше убивайте руками, особенно касается тотемных.

– Мины ставьте экономно, на самых важных участках, и не дублируйтесь. Мины врага просто обходим, может, сами на них подорвутся.

– Это наше преимущество. Кто хорошо учился в Корпусе, тот легко заметит минирование. А кто учился плохо, в отряде лишний.

– Отдыхаете на ближайшем нашем объекте, там же снаряжаетесь. Мне об этом сообщать не нужно, я буду занят той же работой. Обо всём регулярно докладываете по рации капитану Дымову.

Я сделал паузу и заговорил душевнее:

– Парни. Враг тупо не должен возвращаться из галерей. А если и вернётся, пусть потом всю жизнь жидко срётся в любом подземелье. Приказ ясен?

– Так точно, – сказали ребята в задумчивости.

– Инструктаж окончен. Две минуты тотемным воинам выбрать пару... – сказал я строго и спустя короткое время командовал. – Пошли убивать врагов.

* * *

Разумеется, я не приказывал экспромтом. При всех своих душевных переживаниях и других тонкостях я командир и маг, обязан рассчитывать на много шагов вперёд.

Я мог никогда не думать, что до такого дойдёт, оказаться даже психологически неготовым, но я давно уже не приду-

мываю на ходу, решения просто ждут своей ситуации.

Блин, ещё бы научиться управлять ситуациями! Никогда бы не оказался под землёй в одиночестве с автоматом, ножом и тяжёлой сумкой. Как научили в Корпусе выполнять приказы, только о том и думаю.

Когда-нибудь потом, может, буду управлять, а пока, убирая в бок лирику, исполняю. Тотемные воины выбрали в напарники сильнейших магов. Благодаря колдовским ритуалам сами сделали их магами. Пока парни ещё слабоваты, но чужую силу уже ощущают.

Приятно получить наглядное подтверждение своим догадкам – я уверенно предвидел даже имена – однако с этим мне как командиру и предстояло что-то делать. Я о слабейших магах на секундочку.

Тут надо пояснить, что для нас слабейшие вовсе не слабаки по сравнению с прочими. Парни на уверенном среднем уровне. И слабейшие маги точно не худшие кадеты, кое в чём даже лучшие – ребятам постоянно приходится это доказывать, они самые резкие, дерзкие, во всём стремятся к самостоятельности.

Я знал, что с ними не соскучишься, потому незаметно пошёл следом. Кого-то конкретно не вёл, просто держался рядом, выполняя свой же приказ гулять и иногда минировать.

Всегда чувствую настрой парней своего отряда, а с определенной дистанции ощущаю их положение. Они же о моих намерениях могут лишь догадываться. Ну и пусть гадают,

кто станет на этот раз наживкой...

От художественных подробностей воздержусь. Разве важно, что капало с потолка, чем пахнет в канализации, как ярко всполохи выстрелов горят в темноте, грохот давит на уши и долгое эхо гуляет по галереям?

Некоторое впечатление производит взрыв гранаты в тоннеле, и то лишь первые три раза. А взрывов мин я по понятным причинам вблизи не наблюдал, только слышал. Больше старался действовать ножом...

Хотя это тоже лирика, а по факту делалась обычная, надоевшая работа. Её хватало с первого дня, а далее только прибавлялось. Противника становилось больше, хотя и не называл бы его очень сложным.

Да, на нас ополчилась вся Европа. Только её диггеры не знают этого лабиринта, как знаем его мы. Они часто не маги или не военные. Стрелять не умеют, мин не видят, лезут, куда их ведут, и не понимают...

Совсем одолела бы рутина, и я обязательно бы погиб, но к счастью выживают только параноики. Нечто во мне просто не умело относиться к любой опасности халатно. Всё-таки встречались иногда сильные противники.

Тут проблемка – сразу трудно понять, что враг действительно сильный, потому к каждому подходил со всей серьёзностью. Прежде всего, я никогда не ходил один, страховал напарников. Правда, напарники могли об этом лишь догадываться, да тотемные рысы чувствовали меня в трансе...

Похоже, под землёй я часто и подолгу хожу в трансе. Наверное, это вредно, но об этом я подумаю потом. Так вот с Петей или Стёпой было легче. Они чётко понимали, что просто так я в тотемное состояние не впадаю, значит, чувствую врага.

Рыси подавали напарникам тревожный знак, и они действовали осознанно, а другие ребята просто продолжали поход. Я сначала наблюдал, убеждался, что противник «ведёт» парней. Это уже говорило за то, что враг, минимум, среднего уровня.

Вторым шагом я делал противнику «подмену». Незаметно подходил к своему магу и неожиданно включался. Я забиваю врагу чувства, средний маг продолжает ощущать присутствие одного колдуна.

Мой боец, внезапно меня обнаружив, отлично понимает свой маневр – все мои маги хорошо решают такие задачи. Я веду противника к минам. Если же он их успешно преодолевает, временный мой напарник чётко представляет, на какой развилке я атакую врага, и внезапно ко мне подключается.

Я могу свернуть в канализацию, вылезти на поверхность, обойти врага сотней других способов и внезапно напасть, оказаться очень близко. Выстрелы давят на уши, бойцы паникуют и не знают, куда стрелять. Главную работу делаем ножами, вражеский маг обычнодохнет последним. Иные чудачки в панике пытаются бежать! От меня! В подземелье!

Но враг иногда реально силён. Он прекрасно видит, что

нас стало двое, и один из нас пытается его дурить. Маг противника всё ясно понимает, однако у него просто нет хороших решений. Мы лучше ориентируемся в лабиринте, он не знает, где и как мы устроим западню.

Он пытается отходить, и это мне уже сигнал, что враг попался непростой. Я могу поставить на его пути мины, стрелять из укрытия вслед отходящим или встретить их огнём.

Враг резко снижает скорость, чтобы повысить внимание, я даже могу сходить за подмогой, благо, всегда в курсе, где мои бойцы. Правда, это только враг так думает, мы и сами справляемся.

Вражеские бойцы гибнут, или маг приказывает им бежать – он всё равно остаётся один. Некоторые что-то кричат во тьму тоннелей по-французски, пару раз меня материли на понятном немецком. Часто они молча меня ждут...

А напарник добивает бегущий отряд и страхует мои действия. Просто так положено на поединках. Парень в случае чего станет вторым или поможет мне раненому дойти до своих. Но пока что он просто уходит дальше по своим делам.

Такие встречи не всегда заканчиваются для отряда хорошо. В столкновениях два мага погибли, троих лично тащил к своим, а семерых проводил, ребята могли идти сами. Я всегда чувствую их состояние. Но это же война, и только серьёзные враги позволяют держаться. В счастливом будущем мне будет их не хватать, похоже, что придётся ехать к ним домой.

А пока всё хорошее заканчивается, и возвращается ру-

тина. Уныло светит мой одинокий фонарь во мраке подземелья. В печали минирую трупы, чтобы потом без восторга увидеть на стенах и потолке ошмётъя вражеских внутренностей. Мрачной тенью иду по тоннелям, тоскливо хрипят европейцы, и грустно режет мой нож.

Убиваю я новых бедняг и уже точно знаю, что это ни на что не влияет. Дураки в Европе не закончатся. И Гардарика не придёт, сколько бы я их не убил. Наверное, давят всё-таки на психику своды.

Но и на поверхности нет никакой радости. На второй день прихожу к своим, а на объекте уже чужие. Ну, кто-то же так безалаберно заминировал подход французскими минами. Хорошо, хоть на дверь не поставили растяжку. Аккуратно перенёс я мины внутрь и пошёл дальше. А это время моего отдыха, между прочим!

Выхожу на родной объект, представляюсь незнакомому управдому...

Вот как тут не думать о грустном! С каждым днём всё меньше вижу знакомых лиц. И спрашивать не хочу, где мои танкисты, парни особого отряда или девушки из гостиницы.

По радиии, в общем, рассказывает капитан. Старые изолированные гарнизоны эвакуировали, но из-за вражеского наступления образуются новые. Враг бьёт грамотно, действует на окружение.

Если из дома есть выход в подземелье, люди уходят, а если нет выхода...

Наносить врагу внезапные контрудары некому. В особом отряде осталось от силы человек тридцать, всего защищают дома около трехсот партизан и солдат, остальные девчата и старики. Каждый на своём месте должен до конца выполнить присягу.

На четвёртый день он сказал, что у нас осталось десять танков. Экипажи подбитых машин малой частью ещё помогают отбиваться. Можно считать, что нет у меня больше батальона.

Дымов очень доволен отрядом магов. Говорит, только из-за наших действий в подземелье враг ещё не придушил сопротивление. Двое убиты, десять человек раненых. Трое лежащие, магически поддерживают защитников, ходячие вдобавок потихоньку сопровождают не-магов под землёй.

Пока я общаюсь с Алёшей, бойцы на полу сооружают мне постель. Тащат в кучу, штаны, рубашки, бельё, шапки, пальто, полушубки...

Скажите, редкая забота о маге? Ага-ага. От меня, как от сильной тотемной рыси, дохнут бельевые вши. Никто, конечно, при мне ничего не говорит, но такие слухи разлетаются быстро. Особенно когда вши реально стали заедать.

На куче тряпок в грусти съедаю банку тушёнки с галетами и запиваю кипятком. Когда проснусь, я снова пойду убивать европейцев. Без смысла, без надежды. Гардарика не придёт никогда, это просто мой долг. Облизав ложку и допив кипяток, вздыхаю грустно и засыпаю...

Глава 3

Я понимал, что результат от наших действий больше психологический. Европейцам страшно спускаться в подземелье? Так обычного человека туда и не загонишь, лезут только маги и военные.

Они подрываются на наших минах? Мы их режем или расстреливаем? А сколько всего на войне гибнет европейцев на минах, от пуль и холодного оружия! Нашему отряду никогда столько не убить, даже если они выстроятся в одном месте.

Я не давал парням указаний, они и сами делали выводы. Для встречи с врагом уже не требовалось далеко отходить. Все группы противника встречались от двадцати человек, и мои парни стали группироваться кучками. Самые слабые маги первые. Я никак не отреагировал, и ребята сочли это разрешением.

Только выходили на связь с Дымовым все, строго по очереди, хоть и с одной рации. Смешные пацаны формально ничего не нарушали, а что оказались вместе – просто так случайно вышло.

В результате отряд более-менее плотно контролировал только ведущие на запад ближние галереи, а враг осваивается почти под всем городом. Он может нанести удар из-под земли с других направлений, просто ещё не решается.

Мы многое делали, чтобы такое решение далось ему очень непросто.

Пока враг не решается, но и не взрывает подземные коммуникации. Скоро он пойдёт под землёй в наступление, и придётся рвать галереи самим. Я не хотел этого разговора, ждал, чтобы Лёша первым это сказал...

И у меня не выдержали нервы. Ночью перед отходом ко сну я попросил управдома связать меня с Дымовым.

– Говори, – отозвалась рация другим, но странно знакомым голосом.

– Кто это? – спросил я.

– Младший лейтенант Котов, – сказали мне.

– Привет, Ваня, Большов на связи, – подобрел я. – Что ты там делаешь?

– Капитан Дымов назначил заместителем, – ответил он.

– А Лёша спит? – уточнил я.

– Его убили сегодня, – доложила рация.

– К-как? – не понял я.

– Пулей в голову на отражении атаки врага, – сказал Ваня. – По идее я теперь командую гарнизоном. Но ты ведь старше по званию и боярин.

– Так, – завис я на долгие секунды. Очнувшись, продолжил. – Слушай приказ. Срочно свяжись со всеми моими мамами, пусть идут сюда. Если кто-нибудь уже ушёл, скажешь мне. По выполнению доложишь, и тоже двигай сюда.

– Слушаю, – ответил Ваня и пока отключился.

Через несколько минут он снова со мной связался и сказал, что успели уйти пять магов, но с одного адреса. Благо, это недалеко. Я велел Ване обязательно меня дождаться и отправился в подземелье.

По пути я привёл нервы в относительный порядок...

Чёрт меня побери! Я же не должен находить себе места из-за гибели Лёши и вдруг стал спокоен. Устал уже нервничать, ждал, когда что-то случится? А что случилось-то такого особенного? На войне погиб военный...

Я отчётливо осознал, что всегда считал не-мага Лёшу настоящим военным. Выполнял его приказы... даже ждал приказов, вымогал! Пусть обо всём думает военный Дымов, пусть он принимает решения – у него хорошо получается.

И вот Алёши нет, я сам всё должен решать. А я думаю про него, как бы поступил на моём месте настоящий военный. О чём он думал, чем руководствовался. Настоящий военный Алёша стрелял во врага до последней секунды. Он не-маг, уйти через подземелья никак не мог и всё равно должен был оставаться с гарнизоном до конца...

Я усмехнулся. Правильно думал Дымов, нельзя называть военным только за форму. Тем более на мне давно штатская одежда. И ничего особенного действительно не случилось, просто военный погиб в бою. Конец карьеры. Неизбежный конец.

Блин! Маги всё-таки люди, так же идут через отрицание, гнев, торг и депрессию. На стадии принятия неизбежного

они всё понимают, вспоминают и себе улыбаются – где же были их мозги всё время!

А просто нет никаких мозгов, пока не примешь неизбежное, пока не пройдёшь через всё – не напрасно это называется процессом. Тут важна каждая ступень, все стадии.

Я быстро нашёл в галереях мага Витю с товарищами и приказал идти за мной. Парни отряда уже собрались, Ваня тоже пришёл. Он мне откозырял и проговорил:

– Извини, командир, но это ещё не все плохие новости. Утром немец вошёл на восточную окраину города и уже вышел к нашим основным силам. У нас второй фронт.

– Давно ожидаемый шаг, – сказал я. – Для начала слушаем приказы. Командовать гарнизоном буду я. Ваню Котова назначаю заместителем. Ваня, подбери командира против немцев.

– Слушаю, – сказал он.

– Город я сдавать не намерен, и никого не отпускаю. За самовольную попытку уйти расстрел, лично любого достану, – продолжил я ровным тоном и улыбнулся парням. – Засиделись мы под землёй, пора повоевать на поверхности. Но это в скором будущем, а сейчас быстренько обсудим, как будем взрывать галереи и сразу приступим...

Парни смотрели спокойно и внимательно. Многие уже стали военными и ждали такого приказа. Ждали, когда военным станет... э... каждый.

Я просто поставил другие задачи, режим остался без изменений. Обсудили мы порядок подрыва, да я со своей сменой пошёл отдыхать до утра. Мой заместитель Ваня сам привлекал к работе не-магов.

Всю ночь таскали взрывчатку или работали кирками. Требовалось заложить тол именно в стенки, чтобы взрывная волна обрушивала своды. Делали в хождениях перерывы и взрывали сериями, после чего проверяли результаты.

Я спал, как убитый, меня не могли потревожить подземные взрывы. Проснулся с первой атакой. Пока бодренько занимался утренними делами, начштаба Павлик докладывал обстановку, а Ваня ушёл в свой гарнизон.

Успели за ночь взорвать половину подземных ходов с запада. Отдыхавшие ночью бойцы отряда уже подключились к бодрствующей смене, все помогаем отражать атаку французов. С восточного направления докладывают, что немец активности не проявляет. Похоже, ещё спит.

Я энергично кивнул и перешёл к насущным делам – тоже подключился к гарнизону. Стрелял из окон, менял позиции и тихо себе улыбался. Я делаю простую, понятную работу военного – просто стал военным и буду военным до самого конца.

Ну, а чем ещё заниматься нормальному парню на войне?

Мотать себе нервы?! Хватит! Отныне все вопросы закрыты, можно не думать. Я буду спокойно стрелять и менять позиции, пока война для меня не закончится. Так или иначе.

Около полудня штурмы прекратились – французам стали давать еду?! Мы смогли пообедать. Ели и нервно прислушивались, вокруг странная, тревожная тишина. Выстрелов не слышно, лишь в небе жужжат самолёты.

Внезапно позвали к рации. Вызывал командир восточной стороны младший лейтенант Коля. Он сказал, что прямо к его позиции в жилом доме подъехали танки «Рысь-2» с опознавательными знаками Гардарики и джип «Виллис».

Новоприбывшие офицеры предъявили документы. С их слов армия Гардарики рассекла пополам группировку немцев и вошла в город. Противник сдаётся, никого не нужно убивать. Командира гарнизона зовут в штаб армии, за мной и прислали джип.

Я сказал, что сейчас приду. Назначил старшим отряда мага Витю и отправился в дорогу. Нашу западную границу от восточной отделяли всего три дома, потому шёл без спешки.

Истребители вели обычные воздушные бои, и даже иногда низко над крышами пролетали бипланы – в небе продолжалась война. А внизу перемирие? Хорошо, допустим. Вряд ли то, что противник в городе сдаётся, связано с появлением русских танков, скорее танки здесь, чтобы было кому сдаваться.

Тогда зачем их командиру командующий гарнизоном? Можно просто по рации приказать не убивать европейцев, а что гарнизоном кто-то командует, лучше пока не вспоминать. Дело-то, похоже, идёт к большой победе, то есть к награждениям и повышениям – нафига командирам конкуренты?

Блин, нет в Гардарике орденов! Ну, значит, к повышениям идёт дело, а наградить можно и крупной суммой рублей. Интересно, в СССР к орденам полагались денежные выплаты? Вот тоже ничего об этом не говорилось!

Впрочем, сейчас СССР неглавное. Не, даже в Гардарике командир танков должен познакомиться с командующим гарнизоном просто из лучших побуждений! Я ведь широко известен!

Гм, в Европе особенно хорошо. Пусть европейцы отделяют русских, я не фашист, как некоторые...

Я задумчиво остановился, сунул руку под пальто и снял с пояса лимонку. Левой рукой сжал рычаг, правой вытащил чеку и сунул зажатую в ладони оборонительную гранату с насечками на рубашке в левый широкий карман. Ну и правую руку сунул в карман пальто для симметрии. Я не фашист, я маг и немного параноик.

Далее ускорил шаг и довольно быстро пришёл к заместителю Коле. Тот представил мне незнакомых офицеров, командира танкового взвода младшего лейтенанта Сонины и порученца штаба армии лейтенанта Тимохина.

Порученец являлся слабеньким магом, однако это означало, что даже очень сильному магу что-то ему внушить практически невозможно. Врать лейтенант может только сознательно, и другой маг сразу это почувствует.

Тимохин под моим проницательным взглядом несколько раз честно сказал, что действительно является офицером армии Гардарики, в европейских разведках не служит, шпионом неевропейских стран не является и похищать или ликвидировать меня не планирует. А хочет он только доставить меня в штаб армии и забыть это всё, как кошмарный сон.

Я ему поверил и прошёл к джипу, уселся на заднее сиденье. Поехали по городу. Встретилось несколько танков «Рысь-2», из домов выходили немцы, кидали в кучу автоматы или винтовки и с поднятыми руками становились в неровный строй. На них строго смотрели пехотинцы Гардарики с винтовками.

Остановились возле трёхэтажного особняка «Филиппенко» с бело-сине-красным флагом над помпезным входом. Лейтенант сказал часовым:

– Это со мной к генералу, – и мы поднялись по широкой лестнице с зажимами под дорожку на третий этаж. Лейтенант подошёл к высоким деревянным дверям. Постучал, зашёл и сразу вышел. Придержав створку, сказал мне:

– Заходи.

Я вошёл, дверь за мной сразу щёлкнула замочком. Оказался я в большом кабинете, в десяти метрах от меня за ши-

роким столом сидел знакомый полноватый дед в генеральской форме, генерал-майор Иванов. За ним высокое окно, слева и справа на некотором расстоянии по два капитана в парадной форме.

Все сильные маги, а капитаны к тому же с «Парабеллу-мами» в руках и навели на меня стволы. Один я в верхней одежде, ещё и руки в карманах пальто.

Я, спокойно сделав вперёд несколько шагов, остановился. А Пётр Иванович зло засмеялся и резко заговорил:

– Вот и свиделись, Артёмка! Ты ведь этого очень хотел? Тебе нужно многое у меня спросить! А хочешь, я сам тебе всё расскажу?

Я бесстрастно смотрел перед собой.

– Это ведь я приказал майору Петрову отправить тебя на верную гибель! Ты убил Петрова и всё сделал по-своему – ладно, молодец. Но это по моему приказу не пришли подкрепления, пока ты не оказался в окружении! Я сидел у себя и ждал, когда ты сдохнешь! Я и самолётам бы запретил над вами летать, да авиация подчиняется прямо фронту! Правда, интересно?

Я молча холодно улыбнулся.

– Но самое главное, почему я всё это спокойно говорю в присутствии представителей Совета обороны, – задушевым тоном проговорил дед. – Франция уже неделю вопит, что убила тебя, и Гардарика ни словом не возразила! – он сказал саркастически. – Ты, конечно, молодец! Из-за тебя

Европа собрала в этом месте столько сил, и Гардарика смогла их окружить! – генерал снова заговорил душевно. – Но тебя нет, понимаешь? Я спокойно пришёл сюда, привёл капитанов и приказал им тебя убить! – Иванов сорвался на крик. – Прямо на моих глазах! И никто в Гардарике не посмеет задавать мне вопросы!

Я его насмешливо рассматривал. Генерал откашлялся и вкрадчиво проговорил:

– Тебе интересно, зачем я это говорю? А просто растягиваю удовольствие! – он указал на меня пальцем и страстно прохрипел. – И ты узнал, козявочка, сколько действительно стоишь! Перед тем, как тебя раздавят!

Он, закатив глаза, взял паузу и страстно выдохнул, обращаясь к офицерам:

– Убейте его!

Однако капитаны не стали в меня стрелять. Они смотрели на лимонку без чеки в моей левой руке, которую я вынул из кармана пальто, пока генерал закатывал глазки.

– Все в курсе, что такое взрыв лимонки в замкнутом помещении? – задал я вопрос капитанам.

Они заторможено кивнули.

– Тогда те, кто хочет жить, – деловито продолжил я. – Уходят из кабинета и пишут рапорты о переводе в пехотные части...

– Я артиллерист по профессии! – возразил один капитан.

– В пехотные, вашу мать, части! На передний край! – по-

высил я голос. – Проверю лично! Кто не напишет, тем конец!

Капитаны прямо с пистолетами в руках пошли на выход. Генерал-майор встал и воскликнул:

– Эй! А я? Мне ж всё равно кранты!

Он рывком опустил руки к своей кобуре. Когда генерал выхватил пистолет и поднимал ствол, последний капитан бегом покинул кабинет и захлопнул за собой двери. Слитно с щелчком замка прогремел первый выстрел.

Генерал был сильным магом, он отлично видел фантома и его хозяина. Один стоял у двери и ухмылялся, а второй прыгнул вперёд и в сторону. Ещё два выстрела!

Быстрая тень чудом увернулась от пуль и с перекатом устремилась к другой стенке и ещё вперёд. В правой руке страшный нож! Три пули прошивают паркет!

Не доходя до стены, снова прыжок! Генерал встречает нападение выстрелами из пистолета:

– Бах! Бах! Бах! Клац, – кончились патроны.

Генерал-майор был сильным магом, но совсем не умел играть в покер. И я рядом забиваю чувства даже сильным магам. Фантом пропал перед носом деда. Он медленно повернулся ко мне. Я стоял на старом месте и ухмылялся, насмешливо глядя в его безумные глаза.

Иванов всё понял. Роняет пистолет, оборачивается к окну и вскакивает на подоконник. В рысьем трансе ускоряюсь к нему. Он лицом, грудью, руками проламывает раму, хлещут осколки, разлетается кровь...

Успеваю схватить его правой рукой сзади за штаны с лампасами и рву на себя. Мои немалые силы резко увеличил рысий транс. Пряжка ремня впивается в пухлый животик, рвутся петли на его брюках, отлетают пуговицы, штаны и кальсоны сползают вниз, обнажив старчески дряблую жопу. Он от боли и с перепугу громко пердит.

– Извини! – сипло воскликнул генерал.

– Бог простит, – рычу я в ответ и левой рукой с размаху заталкиваю лимонку без чеки глубоко в генеральское очко.

Иванов ужасно орёт, хлынула кровь – там же ещё рычаг и насечки на рубашке. Но силы даже в рысьем трансe страшные...

Интересно, а вепри в трансe реально могут порвать человека на куски? Потом спрошу Ваню, а пока отпускаю генерала с лёгким толчком. Иванов взрывается в полёте, замедление сработало штатно.

Если кто не понял, мне важно, чтобы дед подход не самовольно, а исключительно от моих действий...

* * *

Ещё звенели выбитые взрывом стёкла, как в дверь учтиво постучали. Я вышел из тотемного состояния и сказал:

– Заходи.

Вошёл капитан Логинов с исписанными листами в руках.

– Привет, – сказал он, оглядываясь в кабинете.

– Здравия желаю, – ответил я, отдав честь, и спросил. – А почему ты с листиками? Тебе ж я не говорил писать рапорт.

– Это постановление Совета обороны о снятии генерал-майора Иванова с должности и назначении служебной проверки, – пояснил капитан. – Мне ребята сказали, что ещё могу успеть вручить. Но его нет... ты выкинул генерала в окно?

– Он сам! – сказал я. – Я только лимонку без чеки ему в задницу засунул!

– Вот что взорвалось за окном! – воскликнул он.

– Ага, – ответил я. – Голова должна найтись.

– Да уже без разницы, – грустно молвил Логинов. – Я хотел, чтоб нормально, без боярского произвола...

– Кстати о произволе, твои коллеги прям тут навели на меня оружие, – саркастически проговорил я. – Ты-то что с ними делаешь?

– Взяли на всякий случай, – сказал капитан. – Только они мне уже не коллеги, обычная пехота. А ты давай-ка, следуй за мной.

– И с какой радости? – уточнил я, не сходя с места.

– Опять объяснения! – со вздохом проговорил он потолку, опустил на меня взор и ласково заговорил. – Ты снова молодец, Тёма. Твой батальон отводится для пополнения, а у тебя начинается отпуск. Можешь ехать отсюда до станции на перекладных, а можно со мной на самолёте.

– Не! – воскликнул я. – Как без ребят? Надо проследить хотя бы за ранеными!

– Все в самолёт не влезут, – отрезал Логинов и проговорил добрым тоном. – Позаботятся о твоих парнях, не волнуйся! Пойдём.

Сначала мы зашли на второй этаж к писарям. Там, скромненько потупив глазки, стояли у стеночки давешние капитаны. Логинов подписал мои отпускные документы и вручил мне. Потом подписал рапорты капитанов и направил их в распоряжение заместителя покойного Иванова.

В довершении Логинов сказал клерку, что он должен немедленно вылетать. Паренёк с погонами сержанта его заверил, что прямо сейчас всё будет готово. Вышли из здания и прошли к джипу. Логинов усадил меня сзади, сам уселся справа от водителя и сказал:

– На лётное поле.

Солдатик, не задавая вопросов, поехал. Ехали через весь город, несколько раз обгоняли колонны пленных немцев. Приехали на восточную окраину, к довольно ровной площадке. Аэровокзал ещё не построили, однако несколько самолётов уже стояли рядочком, с одной стороны кто-то садился, с другой взлетал.

Капитан приказал водителю возвращаться и пошёл через лётное поле. Пилоты ждали Логинова у трапа. Старший парень, с чёрными усами, удивлённо спросил:

– А где остальные?

— Они остаются, — ровным тоном сказал капитан. — Взлетаем немедленно.

— Слушаю, — козырнули пилоты и побежали к кабине.

* * *

Мы поднялись в салон. Логинов пинком отбросил лесенку, закрыл дверцу. Салон рассчитан на десять человек. Я и капитан устроились в узкие креслица, сделали серьёзные лица и молчали во время взлёта.

Потом, перекрикивая двигатели, Логинов стал рассказывать. Я не должен обижаться на Совет обороны, они ничем не могли мне помочь. Есть разные бояре, например, о миролюбцах и культурных я уже в курсе. Но они те же бояре, нейтрализовать их могут только другие бояре.

Так называемые воинственные взяли перед войной верх, однако и среди них хватает моих врагов. Все бояре стремятся к личной власти. Только условно нормальные борются за власть для себя, для своей группы, не покушаясь на княжества и советы, а другие стремятся к власти над страной, над всеми народами.

Эти бояре больше всех делали для подготовки большой войны, поскольку лишь в её ходе могут захватить власть. Они хотят просто возглавить ополчение и подчинить или уничтожить дружины.

Они больше других ищут умных офицеров в ополчении,

продвигают их, помогают. Они очень много работают над вооружением ополчения, чтоб оно не было слабее дружин. Они придумали планы и разработали подходы, чтобы не лишиться ополчения в первые месяцы большой войны.

В результате именно у таких бояр самые сильные позиции в ополчении к началу большой войны и на ранних её этапах. Именно поэтому на меня навели оружие целых четыре представителя Совета обороны. Поэтому меня хотел уничтожить генерал-майор Иванов, сильный маг и дельный военачальник.

Да, такие бояре страшная опасность, но ведь на них не написано. У них те же права бояр! Они всегда были и будут. Многие условно нормальные бояре считают их благом. Ну, есть у парней свои закидоны, но в целом же здоровые и очень полезные.

А некоторые бояре видят в них возможную альтернативу и готовы к ним присоединиться, если Гардарика в нынешнем виде будет проигрывать Европе. Уж лучше временная диктатура части бояр, чем европейское ярмо навсегда.

Совету обороны всё равно, его придумали, чтобы выигрывать в войнах. Но не всё равно капитану Логинову! И вовсе не потому, что некоторые бояре ему более симпатичны или менее отвратительны.

Бояре, если установят любую диктатуру, станут стремиться только к положению в структуре власти, наплевав на её эффективность. Всякая теория становится догмой, если ни-

кем не оспаривается, а это ошибки, или миллионы солдатских жизней.

Вот Иванов был хорошим военным, но стал генералом и принялся бороться за своё положение. Таких генералов множество. Они перекрывают путь наверх действительно сильным конкурентам, и зримое тому воплощение – их ненависть к отдельным частям.

Если офицер не гнётся под таких генералов, не улыбается по-собачьи, его убивают. Отдельные части – возможность себя показать, добиться нетривиальных результатов, карьерная лесенка для офицеров на войне. Потому к ногтю все отдельные части!

Генерал-майор Иванов ведь только по радио узнал, что командир отдельного танкового батальона тот самый боярин Артём Большов. Изменил он планы? Нет, Иванов был настолько в себе уверен, что даже обрадовался, что он уничтожит такую птицу!

В Совете обороны признали разумность доводов Логинова, поэтому дали ему распоряжение о смещении Иванова. И те же бояре отправили его с теми офицерами, что поехали расправляться с боярином Большовым. Чтоб Логинов сам предметно убедился в утопичности своих предложений.

Теперь живого боярина Большова сфотографируют в парадной форме военные корреспонденты, я дам интервью «Московскому еженедельнику», где подробно расскажу о генерал-майоре Иванове.

И бояре в Совете обороны спросят себя, а так ли им хочется прыгать из окон с лимонками в жопах. А ведь всё тем и кончится, если и дальше отмахиваться от капитана Логинова и пренебрегать боярином Большовым.

Я хорошо отдохну, на базе Московского Корпуса укомплектую лучшими в Гардарике танкистами новый батальон и поеду на фронт. Только никто не будет этого знать.

Теперь за каждой отдельной частью будет маячить моя зловещая тень. Все генералы во всех командирах отдельных частей будут видеть боярина Большова или такого же отморозка.

Генералы более не смогут давить отдельные части и станут их использовать по максимуму. Они сами станут выдвигать офицеров, пробовать, рисковать, а не втирать начальству глазки. Конкуренция обострится, и генералы наплюют на все негласные договорённости. Каждый будет добиваться своих результатов, двигать свою группу.

Ну, а бояре, кто хотел диктатуры в стране, потеряв перспективы на власть, встанут перед выбором: идти по пути предательства или работать на победу. Логинов уверен, что подавляющее большинство сумеет пережить потерю амбиций. И война перейдёт в новую фазу.

Я ещё не забыл, зачем это всё? Пока Совет обороны вынужден делать нейтральную мину и использовать любые дразги. Да, генерал-майор Иванов стремился меня уничтожить, а я всячески боролся с обстоятельствами. Причём

неприятелю всё это известно, он всё учитывал!

И что в результате? Немцы готовили город N к осаде, собирали немало запасов, и всё это успешно использовали против европейской армии. Европа была вынуждена бросить против сплошь трофейной артиллерии тактические бомбардировщики!

Сбито полторы сотни машин! Одно их присутствие на фронте в корне меняет ситуацию. Всё, их больше нет. И как венец всего окружение крупных сил, которые Европа бросила в гнев, ради своих амбиций.

Европейцы, конечно, сделают выводы, будут пробовать новые подходы, и Гардарика просто обязана идти впереди. Просто чтобы выжить. Ведь если смотреть на отношение потерь, картинка получается загляденье. Почти пять европейцев за русского! А если в абсолютных числах? Ничего не менялось!

Пятьсот миллионов за вычетом Британии дают четыреста, да против двухсот пятидесяти Гардарики. На эту секунду убито полтора миллиона европейцев. Пусть в год будет два. Чтобы просто сравняться, нам понадобится более десяти лет такой войны.

Да-да, на войне гибнут молодые, активные, и техника значит очень многое. Без техники и войны бы не устраивали, они без техники убивали бы слишком мало людей и ни на что бы не влияли.

Потому-то и нужно Гардарике производить больше ма-

шин, и они должны работать эффективнее европейских. Мы обязаны всегда и во всём быть впереди, особенно в военном деле, чтоб Европа поняла, что Гардарику не победить никогда.

Не! Хотелось бы когда-нибудь уничтожить Европу, но для этого пока нет подходящих технологий. Будем реалистами...

– Логинов, а как тебя зовут? – спросил я.

– Виталик, – смутился он. – А что?

– Дымова звали Алёшей, – сказал я. – Тоже был капитан.

И немного поэт.

– Был? – неприязненно уточнил Логинов.

– Да, его убили в родном городе, – проговорил я. – Он бы тебя сразу понял, а я тупой. Мне нужно время.

– Ладно, попробуй тут уснуть, – улыбнулся Виталик. – Всё равно скоро прилетаем...

И я сразу отрубился.

Глава 4

Действительно скоро прилетели. Логинов меня разбудил, и я вышел по новой приставной лесенке. Прямо у трапа нас ждал чёрный «Москвич». Вместе с капитаном я уселся на заднее сиденье, и автомобиль провёз нас через маленький русский город к офицерской гостинице.

Не, селили всех подряд, только кто ещё поедет в прифронтовой городок? И у кого по нынешним временам есть деньги на гостиницы! А капитан ещё и спросил, по какой квоте желаю взять номер: по боярской или от Совета обороны. Люблю, когда выбор!

Я сказал, что желаю номер с горячим душем, и нам дали двухместный от Совета. В комнате я сразу заявил капитану, что иду мыться, тот пожал плечами, сняв с телефона трубку и накручивая номер. По идее я ничего не слышал из-за льющейся воды, однако отчётливо ощутил, что пришёл какой-то человек. Просто отметил, не вдаваясь, льющаяся вода казалась тогда самым главным. Примерно, через час вышел из душевой.

Логинов вручил мне комплект белья, парадку и отправил обратно. Я переоделся во всё новое, сдирая ярлыки. Снова вышел в комнату и спросил Виталика, сколько ему должен.

– Вещевое довольствие Совета обороны, твой батальон ещё подчинён нам, – сказал он равнодушно. – Пришивай по-

гоны и звёздочки.

Однако сначала я забрал из кармана брюк две запасные обоймы, перецепил с гражданского ремня на военный кобур с «Парабеллумом», ножны с ножом и ещё одну лимонку на всякий случай.

Потом уселся на диванчик, пришивал на форменную рубашку подворотничок и звёздочки на две пары погон. Оказывается, пока я плескался, вместе с парадкой доставили ботинки и шинель. А на знаки танкиста приклеивать алые полосы не стал, пускай встречные считают меня простым молодым парнем.

Уже заканчивал, в номер постучали. Логинов пошёл открывать и привёл полноватого дядьку средних лет с пухлым портфелем. Он назвался Сергеем Степановичем, служащим Смоленского банка. Подошёл к столу, вытащил из портфеля толстую тетрадь и сказал мне:

– Боярин Артём Большов? Распишись в получении десяти тысяч рублей.

Я тоже прошёл к столу и растерянно сказал:

– Нам недавно давали на денежное довольствие марки.

– Дают – бери, бьют – беги, – проговорил Виталик. – Это аванс от Совета, потом всё дотошно подсчитают.

Я расписался в тетради и проворчал:

– Бьют – стреляй.

Сергей Степанович выложил из портфеля пачку сторублёвок, надорвал банковскую упаковку и стал отсчитывать. Ви-

талик хмыкнул:

– Ты боярин, можешь стрелять...

Мужик, выдав мне деньги, собрался уходить. Виталик его проводил и договорил:

– Стреляй, только в ресторан лимонку не бери. Не поймут.

– А мы сейчас в ресторан? – уточнил я.

Капитан кивнул, и я нехотя снял с ремня гранату. Пока положил в ящик стола. Логинов широко улыбнулся:

– Пошли тратить твои деньги?

– А что сразу мои? – насторожился я.

– Да просто пошли, – ласково сказал Логинов.

Я недоверчиво направился за капитаном. Что поделать, рыси всегда недоверчивы. Спустились по лестнице в вестибюль и повернули к богатым дверям гостиничного ресторана.

Мы прошли к свободному столику, сразу подошла официантка. Не! Мне всегда нравился уровень обслуживания в ресторанах, но в зале как-то необычно светло, днём зачем-то включили светильники, и эта девушка вся прямо образцово-показательная. Я насторожился ещё больше.

Пока несли первое, осторожно огляделся в зале. Один полноватый штатский господин показался смутно знакомым. Я точно общался с ним ранее. Однако, сидел он ко мне спиной, и уверенно назвать его я не мог.

Принесли на первое польский суп-солянку, и всё пока отошло на задний план. Капитан невозмутимо работал лож-

кой, регулярно откусывая от калача ресторанной выпечки. По его виду я понял, что он планирует первое съесть спокойно.

Но вот принесли на второе гуляш. Капитан ощутимо напрыгся, и я в тот же миг почувствовал на себе чей-то взгляд. Оборачиваюсь и вижу, как на меня весело смотрит Василий Петрович Беляевский.

Если забыли, журналист «Московского Еженедельника», я ему ещё давал первое интервью. Сразу вспомнились его лукавые глазки, борода клинышком, лысина спереди, семьсот тысяч за газету...

Хотя это сейчас неглавное. А Василий Петрович воскликнул:

– Ба! Боярин Большов! – встал со стула и обратился к незнакомому мне худощавому господину в штатском. – Пойдём, с боярином познакомлю.

Тот поднялся, прихватив фотоаппарат с большим объективом. Хорошо ещё, что не рояль. Они подошли к нашему столику, поздоровались. Беляевский представил товарища, репортёра Бориса Дьякова. Я предложил им располагаться. Они уселись, и Василий Петрович, указав на меня пальцем, сказал другу:

– Ты представляешь! Вся Европа уже неделю празднует гибель этого парня, а он в ресторане лопает гуляш!

– Погоди, – сказал Борис. – Он тот самый Артём Большов?!

Ну, опять «неожиданная встреча». Борис меня фотографировал, только Логинов запретил его снимать, а Василий Петрович профессионально беседовал со мной о жизни.

Логинов попросил официантку принести вина и закусок. Беляевского очень заинтересовала история осады. Даже капитан подключился к разговору, вынул блокнот и что-то записывал.

Василий Петрович советовал написать про это книжку хотя бы в память Лёши Дымова, даже брался помочь с оформлением. Я в свою очередь говорил, что книжка – это хорошо, только мне пока некогда, и писать я не умею.

Вот если Вася возьмётся, буду по возможности консультировать. И в том городе воевали не только Дымов и я, нужно опросить многих. Но об этом лучше говорить после нашей победы – военные на войне часто гибнут...

* * *

Мы просидели более часа. Василий Петрович сказал, что репортаж о нашей случайной встрече появится в «Московском еженедельнике» в следующем номере, а вот история генерал-майора Иванова и самые общие мои воспоминания о недавних боях – это уже отдельные темы длинных статей.

Логинов заверил журналиста, что я непременно ещё выкрою время для газетчиков, искать же меня скоро будет совсем просто – вскоре мне предстоит две недели обменивать-

ся боевым опытом в Центре, созданном на базе Московского Кадетского Корпуса.

Василий Петрович и Борис на этом откланялись. Логинов позвал официантку. Мы расплатились, и он сказал, попивая чай:

– Дела я в городке закончил, пора ехать к самолёту и лететь дальше. А тебе первым делом следует посетить клан, а то ж потом может не хватить времени. Нужно на вокзале коменданту предъявить боярские корочки. Он посадит в поезд, что идёт через городок, где расположен штаб армии Салтыкова. Там представишься в отделе силовой разведки, и тебя проводят к рысям...

– Я тут подумал, что рысям тоже надо отдохнуть, – сказал я серьёзно. – Можешь написать на клан отпускные документы?

– На клан не могу, – честно признался капитан. – Нет у нас официально кланов. Нужно выписывать лично на каждого, и я им, вообще-то, не командир.

– Я командир, – проворчал я.

– Боярин, – поправил Виталик и серьёзно спросил. – За чем тебе рыси?

– Да хочу весь клан посадить на свои танки, – сказал я. – Чтоб были всегда под рукой. В центре подготовят по наклонностям наводчиков или водителей...

– А разве заряжающие не подойдут? – спросил Логинов.

– Рыси должны видеть врага, чтобы звереть, – пояснил я.

– Я в Совете занимаюсь темой совместного применения тотемных и магов, могу твоих рысей направить в учебку для подготовки, – задумчиво проговорил капитан. – Только какой мне с этого толк? Отдашь половину мужиков?

– Никого не отдам, – сказал я серьёзно. – Они моя дружина. У тебя есть уникальный шанс, чтобы я так их из армии не увёл, – я, холодно улыбаясь, проговорил. – Пиши, или я тебя прям тут пристрелю.

Он очень удивлённо на меня посмотрел.

– Сам же назвал меня отморозком, – проурчал я с застывшей улыбкой. – Пиши, Виталик, не зли зверя.

Виталик побледнел, порывисто взял планшет и вынул чистый лист. Написал, чтоб я видел:

«Генерал-майору Салтыкову от
Представителя Совета обороны капитана Логинова

Приказ.

Передай боярину Артёму Большову его клан рысей под мою личную ответственность.

Приказ оспаривается в Совете обороны в обычном порядке.

С Артёмом лучше не спорить».

– Так пойдёт? – холодно спросил капитан.

Я кивнул, и он резко поднялся. Не прощаясь, ровным шагом пошёл на выход. Я аккуратно сложил приказ и положил

во внутренний карман. Спокойно доел пирожное, допил чай и неспешно поднялся в номер.

Виталик не запер дверь, ключ торчал в замке с внутренней стороны. И шинели его нет. Ну, он же сказал, что ему пора бежать, а если это демонстрация, боярину наплевать.

Я аккуратно прицепил на новую шапку кокарду вооружённых сил Гардарики и забрал из ящика стола лимонку. Оделся, вышел из номера, заперев замок, а ключ вернул на ресепшene, расспросив улыбочивую девушку, как пройти к вокзалу.

С удовольствием прогулялся через город. В небе редкие облака, светит осеннее солнце. Люди по военному времени серьёзны и деловиты, но никто не перемещается ползком или перебежками. Странное состояние, постоянно ждёшь взрывов и знаешь, что их не будет.

На вокзале мне повезло, как раз для приёма пищи остановился маршевый полк, уже заканчивали. Он следовал практически до места в армию Салтыкова. Комендант, выздоравливающий после ранения пехотный капитан, лично представил меня командиру части, тоже капитану, и меня посадили в плацкартный штабной вагон.

Часиков шесть смотрел в окно на природу и полустанки, дремал с открытыми глазами и думал, когда меня уже отпустит. Никто ж не мешал вытянуться на полке и спокойно поспать. Откуда эта тревога?

За городок воевал недолго, меньше месяца. На войне все-

гда отсыпался впрок под любым обстрелом, и не всё время в меня там стреляли. А что военные вокруг незнакомые, так и в этом ничего для меня нового. Однако там я уверенно укладывался на кучу тряпок на полу, а тут чего-то жду, сижу и смотрю в окно, будто мне очень интересно.

Приехали около восьми. Я прямо с вокзала отправился в штаб армии, комполка пошёл доложиться и заодно проводил. Капитан представился дежурному офицеру и сразу ушёл, а меня майор спросил, неужто я действительно собирался застать пожилого человека на работе в такое время.

Гулять по штабу одному мне запрещено, а сопровождать меня в обязанности майора не входит, потому он пока вежливо просит меня засунуть боярские корочки обратно и покинуть штаб.

Разумеется, я сразу выпал в тотемное состояние. Завела меня майорская наглость, однако воплотился я в основном по другим причинам. Офицер был рослым, плечистым и являлся довольно сильным магом – непросто так его поставили дежурным, и точно охранял штаб не он один.

Мужик попытался давить мне волю, отводить глаза, создавать фантомы – относился как к просто сильной рыси и посредственному колдуну. Он успел вынуть из кобуры свой пистолет, но держал его внизу и сильно потел, ибо ствол моего «Парабеллума» упёрся в его переносье, и все его попытки на меня не действовали.

В кабинет с дисковыми автоматами ворвались рысь Ваня

и рысь Коля, сначала навели на меня оружие, а затем расплылись в добродушных улыбках.

– Боярин! – радостно сказал Ваня, опуская ствол.

– Я сразу почуял что-то родное! – проговорил Коля и тоже убрал автомат.

– А говорили, что убили тебя! – возбуждённо воскликнул Ваня.

– Этот и говорил, – показав на майора пальцем, недобро молвил Коля.

– А он кто? – спросил я, не отводя пистолета от майорской переносицы.

– Начальник отдела силовой разведки, – ответил Ваня. – Мы тут ещё и охраняем по очереди.

– Убери пистолет! – нервно просипел майор. – Я всё равно им начальник! И я приказываю...

– Застрелить тебя? – спросил я участливо.

– Н-не надо, – сказал начальник.

– Тогда так заткнись, – попросил я и, не убирая «Парабеллум», проговорил мужикам. – Мне бы встретиться с главой клана Терентием.

– Убили его, – печально проговорил Ваня. – Теперь Тимофей у нас глава.

– Тогда надо мне встретиться с Тимофеем, – поправился я.

– Так ты тогда возьми номер в офицерской гостинице, всё равно уже поздно, – сказал Коля. – А я как раз за ним

схожу, – он кивнул на майора. – Если этот не будет возражать.

– Ты же не будешь? – спросил я майора участливо, удерживая пистолет у его головы.

– Н-не буду, – выдавил из себя тот.

– Тогда я пошёл, – молвил Коля и вышел из кабинета.

– Убери пистолет в кобуру, садись за стол и что-нибудь пиши, – велел я майору ровным тоном.

Он плавно засунул пистолет, уселся и, положив перед собой руки, уставился на меня. Ладно, и так сойдёт, не буду придирааться, опущу пистолет.

– Ваня, – сказал я. – Сейчас ты скажешь всем рысям клана в штабе, что вы идёте по домам и ждёте только моих приказов. Любые другие приказы для вас не имеют силы...

– А кто будет Родину защищать?! – недовольно вякнул майор.

– Особенно этого не слушайте, – указал я на него стволом «Парабеллума».

– Слушаю, боярин! – весело сказал Ваня.

– Ну, пойдём, – сказал я Ване ласково и сухо проговорил майору. – А ты сиди!

* * *

Номер в гостинице мне дали по боярской квоте отчего-то тоже двухкомнатный. Похоже, что у меня с Советом обороны

один уровень, боярство нынче не почитается, как раньше.

Подозрительно обошёл помещение и принялся раздеваться. Положил на полочку шапку, аккуратно повесил на крючок шинель и почувствовал в коридоре приближение двух рысей.

Дождлся, когда постучат, и сразу открыл. Вошли Николай и черноволосый жилистый мужик под сорок Тимофей, нынешний лидер клана. Я предложил им располагаться, а вообще пора ужинать, так надо сходить в ресторан.

Тимофей брюзгливо сказал, что знает эти гостиницы очень хорошо, тут везде прослушка этого сраного особого отдела. Пусть эти козлы слушают, что он о них думает! А больше он тут и слова не скажет, тем более в ресторан не пойдёт.

Вот теперь Николай отправится домой ждать приказов, он сюда пришёл потому только, что Тимофей на слово никому не верит и один никуда не ходит. А боярина лидер клана приглашает к себе на квартиру.

Коля сразу сказал:

– Пока, – и ушёл.

Я молча надел шапку и снял с крючка шинель. Тимофей подождал, когда я оденусь и закрою номер, и уверенно пошёл к лестнице. В молчании вышли мы из гостиницы и свободным шагом пошли по русскому городку. По военному времени уличное освещение не работало, светили нам только окна, но этого двум рысям хватало за глаза.

Тимофей провёл до частного сектора, своим ключом открыл калитку в заборе. Здоровенный волкодав на цепи жалобно заскулил и на брюхе пополз за будку. Тима точно тут квартирует, а у пса на всю жизнь останется психологическая травма.

Тимофей к собаке даже лица не повернул, по-хозяйски пошёл к дому. Миновали веранду. У порога нас встретила миловидная женщина средних лет в домашней одежде.

– Ужинать, – сказал Тимофей, снимая солдатскую шинель.

Дама без возражений ушуршала. Я вслед за хозяином снял верхнюю одежду, умылся под рукомойником и прошёл на кухню. Женщина накрывала на стол. Мы уселись на табуретки, а она поставила сковородку жареной картошки, тарелочки квашеной капусты, нарезанного сала, солёных огурцов, корзинку хлеба. Тимофей важно сказал:

– Спасибо, Таня.

Женщина тут же вышла из кухни. Тимофей наложил полные тарелки картошки, и мы молча приступили. Неспешно дошли до чая с вареньем. Расспрашивать рысь о делах даже боярину неучтиво – у рыси по определению всё всегда, как должно быть и лучше всех – потому сразу перешёл к делам:

– Тебя не просто так избрали лидером, старые воины делились с тобой знанием. У меня затруднение и прошу твоего слова.

Тимофей важно кивнул, и я перешёл к сути:

– Впадаю в бою в транс и сам не отдаю себе отчёта. Пока не услышал рычание близнецов, я о себе этого не знал. Сколько находился в трансе – бог ведает. Но я ещё не стал лешаком. Вроде бы. Петя и Стёпа посоветовали обратиться к старшим.

– Близнецы живы? – строго спросил Тимофей.

– Оставил их живыми и здоровыми в относительной безопасности, – ответил я.

– Это хорошо, – благосклонно молвил лидер. – Парни верно направили тебя. Вопрос только в том, захочешь ли ты понять. Это старая загадка, насколько человек зверь. И у каждого по-своему. Запомни и никому не говори первую тайну тотемных воинов. Мы можем остаться в зверстве навсегда каждый раз, когда впадаем в транс, его продолжительность – это лишь вероятности. Каждый из молодых тотемных думает, что он особенно сродни конкретному зверю: рыси, волку, горностаю, росомaxe, беру или вепрю. Повзрослев, воин понимает, что он просто родился в нужном клане, он сродни любому тотемному духу... – Тимофей засмеялся. – Вторая тайна тотемных – правы и те, и другие. Человек может иметь сродство с тотемным духом и отдельно с конкретным зверем. У тебя просто очень велико сродство с рысью. Да, ты тотемный воин, иходишь в транс, сознательно призывая тотемный дух. Но, оставаясь самим собой, способен ли ты сказать, кем же ты становишься?

У меня отвалилась варежка.

– Я старый тотемный воин и могу почувствовать, когда человек только входит в транс. У молодых это занимает минуты, – Тимофей мне улыбнулся. – И вот ты сидишь тут спокойный, а я всё время чувствую, что ты в следующую секунду станешь рысью. Но ты не становишься, тебе пока не нужно...

У меня вдобавок к варежке выпучились глаза.

– Ты рысь в облике человека, или человек с натурой рыси – решать только тебе, – серьёзно молвил Тимофей. – Говоришь, что ещё не стал лешаком? Только потому, что ты обладаешь логикой? – он усмехнулся. – Ну, вообще, дело твоё. Просто думай, что для тебя значит человечность, чем она для тебя важна, и почему так здорово быть зверем.

Подобрав челюсть, я кивнул и проговорил, потупив глазки:

– Так, с этим ясно, переходим ко второму вопросу.

Я вынул приказ Логинова и протянул лидеру клана. Тот степенно развернул бумажку, наморщив лоб, ознакомился и, так же солидно сложив обратно, вернул. Тимофей выдержал глубокомысленную паузу и важно заговорил:

– Знать, в Совете обороны сидят думающие люди, ведают ситуацию. Недавно ещё ты б такого приказа не получил, да пошла совсем плохая война. Тотемные воины во многом просто очень хорошо тренированные бойцы. Заметь, уже готовые воины. Нас и гоняли на ту сторону безобразить. Од-

нако воюем мы не с дураками, противник усилил подготовку, увеличил численность, встречаются даже маги. За всё лето клан потерял пятерых, а за прошлый месяц половину состава, — он горько усмехнулся. — Только начальство ничего не желает знать, ему давай результаты! Или... — Тимофей устремил на меня многозначительный взор. — Или кому-то очень нужно, чтобы полегли тотемные, основа дружин боярских, стержень могущества боярского. И тут твой приказ! Видать, случилось что-то важное!

— Да ничего особенного не случилось, — сказал я спокойно. — Просто Логинов умница, — я усмехнулся. — Хоть и обещал я его пристрелить. В шутку.

— Угу, в шутку, — серьёзно покивал Тимофей и умильно улыбнулся. — Может, расскажешь главе о своих планах на клан?

— Да отдохнёте просто в Москве, — сказал я небрежно. — Заодно думаю сделать рысей танкистами, есть для клана работа.

— Стар переучиваться, — печально вздохнул Тимофей.

— А строго по желанию, — улыбнулся я. — Не хочешь учиться — возвращайся в разведку, ходи на ту сторону...

— Да хочу я учиться! — повысил он голос и смутился. — Мне только больше времени надо, чем молодым.

— Недоучек в бой не тащим, на том стоим, — молвил я важно.

— Тогда лады, — улыбнулся Тимоша и вновь принял дело-

вой тон. – Ты приказ генералу Салтыкову показывал? Не? Вот завтра покажи с утра, его послушай. Потом разведка для нас держит целый спортзал. Так найди время, набей морды – соскучились ведь по боярину! Нас всего с тобой и близнецами вместе осталось в клане семнадцать. И то если крайняя группа придёт в полном составе, скоро уже должны вернуться.

– С удовольствием набыю! – успокоил я Тимофея. – Давно хочу повидать Авдея и Мухаммеда.

– Вернуться – повидаешь, – проворчал Тимоха. – С группой они ушли.

– Вернутся, – сказал я уверенно и поднялся. – Спасибо за хлеб-соль, пора мне.

– Пойдём, провожу до ворот, – сказал глава клана, вставая. – А то у Тани волкодав. Говорят, злой.

* * *

Утром я первым делом направился в штаб. Дежурил уже другой майор, но его обо мне, видимо, предупредили, и он лично предложил следовать за ним к генерал-майору.

Я пошёл с лёгким сердцем, пусть и не сжимала в кармане шинели моя левая рука рычаг лимонки без чеки. Вряд ли меня ждали в генеральском кабинете слишком много представителей Совета обороны, Логинов пока там в явном меньшинстве. А на одного злого на меня Виталика даже с гене-

ралом должно хватить ножа и «Парабеллума».

Мы вошли в приёмную, адъютант нас не заметил. Майор у начальственных дверей попросил меня подождать. Коротко стукнул, вошёл и сразу вышел, сказав:

– Проходи.

Вошёл я в средних размеров комнату, сделал три строевых шага к большому столу с телефонами и, отдав честь, доложил о прибытии.

– Вольно, – проворчал Пётр Васильевич. – Привет, Артём, присаживайся.

Я уселся на краешек стула для посетителей и сразу подал приказ капитана.

Салтыков с запиской ознакомился и, подняв на меня проницательные глаза, строго сказал:

– Мне доложили, что ты ещё вчера отдавал приказы рысям.

– И чё? – спросил я с боярской небрежностью.

– Это вопиющее нарушение, – проговорил Пётр Васильевич. – Теперь все бумаги нужно датировать вчерашним числом! Ты вынуждаешь меня идти на подлог!

– Извини, Пётр Васильевич, – смутился я.

– Рыси формально служат в твоей же дружине, в разведке пехоты, – не обратив внимания, сухо продолжил Салтыков. – Я распорядился оформить их перевод в твоё танковое соединение. Далее их направят в Центр для обмена опытом по твоему боярскому запросу. Сегодня документы будут го-

товы, подпишешь у писарей после обеда. Скажешь парням, чтоб получили командировочные в финансовом отделе.

– Спасибо, Пётр Васильевич! – сказал я с чувством.

– Не за что, – сухо ответил Салтыков. – Я знаю, что могу создать тебе много проблем, только какой мне прок? А так ты направишь в моё распоряжение из Москвы первый отдельный батальон опытных танкистов, магов и тотемных воинов. Хорошая замена рысям диверсантам.

– Я думал сформировать только свой батальон, – пролепетал я.

– Тогда придёшь в моё распоряжение лично, – холодно улыбнулся генерал-майор. – Или постарайся, чтобы батальон был не один, – он лукаво мне подмигнул. – Понравилось мне держать в рукаве джокера. Повышает результативность.

А ведь дядя вполне может устроить мне проблемы! И станет ли мне помогать Виталик – вопрос смутный.

– Договорились, – сказал я задумчиво и спохватился, подскочив. – То есть слушаю!

– Вот и славно, – проговорил Пётр Васильевич. – Рыси сейчас в училище № 1, беги к ним, Артём.

– До свиданья, Пётр Васильевич, – почтительно молвил я.

– Пока, – ответил генерал-майор.

* * *

Дежурный офицер рассказал, как дойти до училища. За-

одно выяснилось, что под старым названием там временная располага бойцов, кто возвращается из отпусков или госпиталей.

По идее в классах должны обитать и солдаты разведки, но они давно забили на легенду и снимают жильё в городе, а в училище ходят как на работу. Только на настоящую работу их отвозят на джипах.

Когда я спросил, куда делись учащиеся, майор посмотрел на меня, как на иностранца. Во все училища Гардарики до войны принимали с 16-ти лет, теперь же без желания парней забирают в армию, а там уже смотрят, куда послать. Кого на заводы, кого в войсковые учебки.

Не! Можно и по желанию! С 15 лет. Туда же. Тогда больше шансов хорошо выучиться и принести на войне пользу. А можно целый год ждать, что война кончится, только таких меньшинство.

Я смутился слегка и поправился, что спросил, почему данное конкретное сооружение не используется в новом качестве, так майор посмотрел на меня уже с подозрением. Пришлось признаваться, что с начала войны в боях и вообще боярин.

Офицер жалостливо вздохнул и объяснил непонятливому мне, что как раз с начала войны ребят из западных областей и вывозят на восток. Чем западнее, тем быстрее. Оно пока не касается Москвы, но это неточно.

Я его поблагодарил и пошёл по осеннему городу. Шёл

и размышлял, кого же пожалел майор – меня тупого или мальчишек. Вот ради чего, оказывается, я всё время убивал европейцев. Блин, хоть не уходи в отпуск, чтоб ещё немного пацанов увезли от европейского будущего!

А по зрелому размышлению, всё идёт по плану – вот и в училище прифронтового городка только солдаты, а не перепуганные ученики. Я показал часовым на входе боярское удостоверение и прошёл внутрь.

Рыси дожидались меня в спортзале, все девять. Тимофей сказал, что пятеро в рейде. Для начала я их порадовал, рассказал о направлении в Москву и командировочных. Далее физкультура с ознакомительным мордобоем.

Ну, просил же сразу выходить в тотемном трансе! Так Коля с пола проскулил:

– Да в трансе мы! Только тебе пополам!

Я сфокусировался на ребятах... действительно в трансе. И мне на самом деле без разницы. Всего-то год с небольшим не виделись, и такие изменения! Как заново знакомимся!

– Вспомни наш вчерашний разговор, – загадочно сказал Тимофей, утирая личность. – Быть рысью и считать себя рысью – разные вещи. Всегда помни об этом.

– Ладно, хватит, – сказал я кротко. – Вы тогда без меня, а я только разомнусь.

До полудня практически ничего особенного не случилось. Только я внове с себя удивлялся – оказывается, я ещё могу прикладывать усилия просто для удовольствия и таки его

получать! Гимнастика называется.

А на других бойцов я не смотрел. Что им мои советы? Всё равно всё сделают неправильно.

В двенадцать парни пошли в столовку, им полагалась казённая кормёжка, а я в отпуске, потому направился в гостиничный ресторан. Условились встретиться после обеда в штабе.

В ресторане я себя в целом не особо ограничивал, просто всё удовольствие убивали цены. Никаких интервью не планировалось, обычный обед, но, если я всегда так буду питаться, что привезу Кате и Свете? Отказался от пирожного к чаю. Ну, не совсем отказался, не стал брать третье.

После обеда без спешки прошёл в штаб. Как ни удивительно, все бумаги у писарей уже лежали готовые. Я их подписывал, когда в комнату вошёл бледный Тимофей. Я на него вопросительно посмотрел, но он сделал жест, мол, продолжай.

Вместе вышли в коридор, и Тимоша ускорился, я в темпе пошёл за ним.

– Позвонили из пехотной дивизии начальнику, ты ещё пи-
столетом ему тыкал, – отрывисто говорил он на бегу. – Вер-
нулась группа. Авдей там остался, а Мухаммеда принесли.
Хочет что-то тебе сказать, но нужно спешить. Зря бы не про-
сил.

На парковке у входа Тимофей сел на правое сиденье джи-
па, я за руль. С места стартую. С заднего сиденья поднялся

солдатик с заспанным лицом и воскликнул:

– Ты кто?! Куда?!

– Спи дальше, – рыкнул я, обернувшись к нему.

Водитель рухнул обратно. Тимофей подсказывал дорогу, заранее указывая повороты. А нормально фронт ушёл на запад за месяц, я и не помнил этой местности. Тимоха держался двумя руками за торпеду, подсказывал и старался не выпасть на ходу, с учётом поворотов ехали на двух колёсах. В среднем на трёх.

Я честно не думал, что хочет сказать Мухаммед. Просто хотел его увидеть ещё живого, и теплилась искорка надежды ему помочь. Приехали и юзом встали у лазарета. Когда выпрыгивал, взглянул всё-таки на водителя. Он не выпал, только спал уже на полу.

Влетели в большой дом. Тимофей сказал женщине у входа:

– Где раненый разведчик? Недавно его принесли!

– Так в общей он пока, – сказала она, показав пальцем. –

Тама...

Мы быстрым шагом направились к указанным дверям. Тётка подорвалась за нами с криком:

– А халаты?!

Вошли в большую комнату, плотно заставленную койками с ранеными. Все стонали или бредили, но Мухаммеда я сразу почувствовал и подошёл на ватных ногах. Другой человек его бы не узнал, лицо – месиво засыхающей крови. До под-

бородка простыня в бурых пятнах.

Я ощутил океан боли и понял, что ему уже всё равно. В нём остался только рысий транс и зазубренные слова. Фактически передо мной изуродованное, жутко страдающее передающее устройство. Жизни практически не осталось...

Мухаммед неожиданно захрипел:

– Ленточку уже переходили... из миномёта... рядом... Авдей раньше...остался прикрывать... счастливчик...

Мне на плечи накинули сзади халат. Мухаммед злобно зашипел:

– Прогони её!

Я оглянулся, добрая женщина сама вышла из палаты.

– Запомни, Тёма... это рысье... долго не пускать смерть... терпеть... если надо, – пробулькал Мухаммед, и на его почерневших губах показалась кровавая пена. – Это долг... я пытался... и ты меня слушаешь...

Он со свистом вздохнул несколько раз, алые пузыри из его рта надувались и лопались. Мухаммед через силу продолжил:

– Терентия нет... он приказал... налить в бачок... твой папка... не стал рысью... считал пережитком... хотел избавиться... Терентий сказал... боярином станет... истинный рысь... теперь боярин ты... прощай...

Мухаммед пустил к себе смерть. Я долго смотрел в его мёртвое лицо, и ничего, кроме жалости не испытывал. Ёлки! Я не хочу ничего знать! Верните Мухаммеда!

– Ты рысь, Тёма, – проговорил Тимофей. – Этого не изменить.

Я оглянулся к нему и долго не находил слов. Слёзы выступили на глазах. Я прохрипел:

– Ну, почему? Почему они?! – я всхлипнул. – Почему Мухаммед?! – слёзы свободно полились по щекам. – Они ушли, а я остался! Зачем?!

– Ты рысь, боярин, – грустно повторил Тимоша.

Глава 5

И тут всем моим читателям очень интересно, что же об Артёме думают в Европе! Реальных русских особенно волнует европейское мнение, даже если это Европа магическая, то есть выдуманная. А мне придумывай!

Ладно, давайте попробуем представить. По слухам, в реальности все нацистские газеты и радио жёстко контролировались и тянули одну песенку...

Блин! Похоже, это добрая европейская традиция. Хорошо, пусть в реальности всегда все европейские средства массовой информации жёстко контролируются и тянут одну песенку.

Теперь реальной Европе добавим магии или мозгов – тут дело вкуса – и всё равно получим тот же контроль и одну песенку, изменить можно только саму песню. Умные европейцы обладали магией, могли контролировать больше, и песня у них должна получиться сложнее.

Тут без полифонии никак. Разделим европейские голоса на подгруппы: официальные, проверенные, достоверные, заслуживающие доверия, не заслуживающие доверия, независимые, одна бабка сказала, все прочие или вражеские.

Все невражеские голоса постоянно повторяли, что Европа сад, окружённый джунглями, где живут одни враги. Особенно русские просто животные, любая их государственность

опасна и является историческим недоразумением, которое прямо сейчас исправляется – русских истребляют, согласно открыто опубликованным и всенародно одобренным планам.

Кстати, нацистская Европа в нашей реальности открыто планировала физически уничтожить пятьдесят процентов русских, сотни миллионов человек. Эти планы разделялись европейскими народами, до сих пор есть живые люди, кто разделял. Планы Европы истребления русских открыто поддерживали официальные лица Турции и Японии.

Но вернёмся в магическую реальность. Если официальные голоса просто повторяли официальную позицию, то с каждой ступенькой разрешалось к ней приплетать новые темы, жёстко увязанные с количеством бубенчиков на колпаках.

В результате у сильно умного европейца возникало ощущение дискуссии, он даже мог иметь по многим вопросам своё мнение. Главное, чтобы европеец считал русских животными, всё русское вражеским, и готов был идти подыхать на фронт или работать на заводах по двенадцать часов.

Многие считали существование всех этих газет глупостью, особенно при дороговизне бумаги и хронической нехватке пушечного мяса на фронтах. Однако не будем думать про себя, что мы умнее европейских магов.

Умным европейцам всё больше вместо реальной пищи подсовывали духовную, а еда стоит всё-таки дороже бумаги,

даже если всех шелкопёров пополам с бумагой разом пустить на колбасу.

Так про Артёма официально вообще ничего никогда не заявлялось. Официальные лица просто про него не спрашивали – им без одобрения «кого надо» кто попало вопросов не задаёт.

Проверенные источники из числа пресс-секретарей различных министерств на обязательных пресс-конференциях морщили лбы и говорили:

– Боярин Артём Большов? Никогда не слышал о таком, уточню позже.

Или:

– Боярин Артём Большов? Никогда не интересовался русским дерьмом, даже боярами.

Достоверные источники из числа служащих национальных министерств кое-что об Артёме слышали.

– Боярин Артём Большов? Его же недавно убили на фронте!

Заслуживающие доверия друзья служащих или приближённых к властям говорили:

– Боярин Артём Большов? Кажется, его недавно убили на фронте.

Не заслуживающие доверия друзья друзей приближённых к властям заявляли:

– А по сообщениям французов, они убили боярина Артёма Большова на фронте.

Самые пристойные из независимых газет к предыдущему заявлению добавляли своё неопределённое:

– Ну-ну.

Далее шли непристойные версии. Одни утверждали, что французы всё наврали, Артём живой и продолжает убивать европейцев. Правда, они всячески осуждали поведение Артёма, яростное сопротивление русских животных не имеет причин или оправдания, и особенно потешались над французской хвастливостью. Вообще таких статей было очень мало.

Другие скромно утверждали, что французы просто поспешили, и не в них суть. Вся беда в том, что русские животные озлоблены на просвещённых европейцев и явно сдуру сопротивляются прогрессу. Просвещённым европейцам просто приходится их истреблять, а Большов тому лишнее подтверждение. Этих статей так же оказалось меньшинство.

Как не трудно догадаться, больше всех орали французы. Они все поголовно утверждали, что русские и особенно англичане всё врут, на их снимках Артём ненастоящий.

Одна их половина говорила, что это актёр сыграл роль, вторая заявляла, что двойник. Все французы дружно вопили, что подобные лживые сообщения будут появляться всё чаще, и цель врагов разрушить единство Европы. Всякий, кто считает, что боярин Большов живой, является врагом.

Агентство ОБС, или одна бабка сказала, прежде всего, обратило внимание на новую форму официальных уведомле-

ний. Слишком много простых французских и немецких семей получили из европейского министерства обороны уведомления, что их парни «вынужденно покинули театр боевых действий до окончания войны».

Не! Даже на пятьдесят тысяч похоронков разом по нынешним временам никто бы и внимания не обратил, а тут такое! И как это следует понимать? Живой Жак или Ганс?! В плену? Их там хоть кормят?!

Люди ночами, с оглядкой слушали вражеские голоса. В Скандинавии на Европу работали радиостанции Гардарики, Британия вела передачи с островов и из Африки. А Bizантия такую деятельность на своей территории официально не приветствовала и неофициально пресекала.

Но не в этом дело. Дикторы рассказывали о сообщениях Совета обороны Гардарики, где приводились данные о большом поражении Европы:

В ходе боёв уничтожено столько-то солдат и офицеров, столько орудий и миномётов, столько танков, столько другой техники и столько сбито самолётов. Окружены и сдались в плен столько-то европейцев, взято столько таких-то трофеев.

Число взятых в плен казалось солидным и внушало надежды, что «выбывшие с театра» Ганс или Жак живые. Лишь бы им давали покушать! Вот и дикторы говорят, что, если официально взяли в плен, будут кормить.

Правда, те же дикторы заявили, что теперь решением Со-

вета обороны строго официально граждан Румынии поставили вне любых законов – их в плен совсем не берут, а кого уже случайно взяли, ликвидировали. Румыния снова пытается верещать, но кому она интересна? Тут главное не стать следующими.

Позиция Европы и фюрера Шульце тверда – русские просто животные! Только европейские солдаты совсем иначе стали вести себя в своих тылах, и русских пленных перевели из мест компактного размещения и ускоренного перевоспитания в обычные лагеря, к ним даже регулярно пускают организации нейтральных стран.

А про Артёма Большова просто европейцы слушали из интереса, а немцы ещё и от злорадства. Нефига его французы не убили, парень общается с журналистами и улыбается фотографам. Этого боярина могут уничтожить только немцы, вместе с большинством злобных русских.

* * *

А ведь некоторые ещё и не понимают, чем же так заняты политики! Взять хоть фюрера Шульце. Он обязан встречаться с национальными фюрерами, которые посещают его столицу, выступать на больших столичных митингах и партийных конференциях, созданных в их честь.

Потом турне по стране, где фюрер обязан выступать на партконференциях и митингах в честь его приезда. Далее

посещение европейских столиц, встречи с национальными фюрерами, выступления в парламентах, речи на митингах и выступления на партийных конференциях. И снова по кругу!

И ведь надо иногда говорить что-нибудь новенькое! Не. Можно в Вене назвать русских свиньями, в Париже собаками, а в Риме крысами, но ведь и это приедается публике – конференций и митингов много, а набор животных ограничен. Не все животные подходят, и называть русских зайками нельзя, европейцы точно не поймут.

И фюрер не просто говорит, он должен ещё и решать политические задачи. То же европейское единство ведь само по себе из ниоткуда не берётся. Вот обосралась Франция с этим боярином... как его... ещё личный враг...

А! С Артёмом Большовым она обосралась!

Так ведь никто не заставлял. Из того, что Франции предложили честь его убить, вовсе не следует, что эти французы его обязательно убьют. Никогда у них ничего не получалось, а с Большовым вдруг получится!

Шульце не зададут вопросов об Артёме. Однако ему всё-таки приходится перебивать общественные настроения, которых и быть не должно. Он едет по Германии и говорит немцам, что с ними вся Европа. Он летит в Париж, Рим, Мадрид, Вену, Будапешт... и говорит, что с ними Германия!

И по всему судя, это действительно так. Шульце ведь об этом говорит, и люди везде встречают его ликованием.

На фронте, правда, снова какие-то трудности, но ведь это армия Европы в Гардарике.

Ситуация в целом стабильная, и секретари говорят о скорых изменениях к лучшему – Европа и вправду объединяется против Гардарики. Если собрать все силы европейцев в кулак, никаким русским животным не устоять!

Маги-секретари сдержанно улыбаются, излучая оптимизм, приносят для ознакомления новые графики поездок и твердят, что надо потерпеть, вся Европа смотрит на фюрера и тоже прикладывает усилия. Шульце понятливо кивает и учит новые речи.

В Европе демократия, и постоянно нужно говорить что-то новенькое. В Европе свобода слова, и нельзя нести новую ахинею без учёта старой. Вот в начале лета 1942-го года обещал фюрер, что осенью Европа будет делить Гардарику?

Некоторые сгоряча решили, что фюрер обещал разгромить Гардарику до осени, но это они решили, это только их проблемы. Фюрер всегда выполняет свои обещания! Шульце созывает европейских лидеров в Брюссель...

Важно, что не в Берлин!

Вот созывает он европейцев в Брюссель, дабы договориться и официально закрепить, кому, что причитается. Румынии молдавские земли и Одесса, Италии Крым. Болгарии, Венгрии и Польше западные княжества. Франции и странам Бенилюкс Причерноморье с Кай-ёвом вплоть до Донецка. Германии, Чехословакии и Австрии русский Север с Моск-

вой. Испании и Португалии Поволжье. Остальное, начиная от Уральских гор, под общее управление Евросоюза. Королевства Скандинавии станут свободными, только каждый их житель оплатит Европе издержки по пятьдесят тысяч американских долларов. Или по сто.

Европейские страны собирали делегации, особенно набирали бывших борцов и боксёров. Президенты и премьеры радостно приветствовали решение фюрера и говорили, что маловато будет. Всё давно следует официально обсудить!

* * *

Секретари жалеют фюрера, берегут от лишней информации. Маги ему вовсе не врут, все так в целом и происходит – ситуация стабилизировалась, недочёты исправляются, ожидается улучшение. А что придётся ждать немного дольше – уже детали, в которых Шульце и самому не захочется разбираться.

Они все работают над единством Европы! Его, единство то есть, укрепляет преодоление трудностей! Не, победы и достижения укрепили бы его лучше, однако на них остаётся лишь надеяться и трудиться ещё усерднее.

Отличные, вроде бы, условия – четыреста миллионов Европы против двухсот пятидесяти Гардарики. Но с Британией было бы пятьсот! А без Британии из оставшихся четырёхсот миллионов тридцать Польша.

Новое польское правительство подало заявку в Евросоюз, и её сразу подписали, по законам союза поляков можно хватать на улицах и ставить в строй.

Только потом лучше не гнать их против войск Гардарики, сдадутся при первой же возможности. Поляков используют в охранных частях, но и там стараются оружие в руки не давать, чтоб не продали местным.

И плюс ко всему прямая война с Британией, которая тоже требует людей и ресурсов! И как только англичан сбילה с толка эта Гардарика?! Или тут действительно поработал пресловутый боярин Большов?! В любом случае, Европа Британию проспала, не поняла и проиграла.

Считаем дальше. Вся Восточная Европа без Польши – это семьдесят миллионов. Танки есть только у чехов и словаков, но они все кончились в Дании, больше на их производство ресурсы решили не тратить.

В Чехословакии ещё неплохие грузовики и орудия, но их отправляют немцам, а людей этих стран используют в охранных дивизиях и в частях обеспечения. Причём в охране действуют исключительно на вспомогательных ролях, с русскими связываться боятся.

Всё то же самое можно сказать и о болгарях, только они вообще ничего не производят. Более-менее оправдали надежды румыны, но лишь как каратели – им терять уже нечего.

Из Молдавского королевства, где они уже отметились, их

не выпускают, отвечать за их «художества» не хотят даже немцы. На фронт загнать трудно и там они ненадёжны, искренне уверены, что вклад румын в общее дело – это только нефть.

Примерно на одном уровне с немцами стоят венгры, их без опаски можно отправлять на фронт против русских. Танков и самолётов своих нет, хотя Венгрия промышленно развитая страна. Войска используются только как пехота. Население – тридцать миллионов...

Тридцать пригодных к войне миллионов из ста всей Восточной Европы!

Так, без нервов, уверенно улыбаемся фюреру. Нам понадобится хладнокровие, ведь далее считаем Италию. Танки делают, но лучше бы даже не пытались, вся Европа внушает им эту мысль.

На море неплохой флот воюет с британцами при поддержке авиации Германии. Сами делали много разных самолётов, но практически все они закончились над Балтикой и над Средиземным морем, тоже ведётся работа, чтоб пока поберегли ресурсы.

Промышленно страна развита в целом даже лучше Венгрии, выпускают автомобили и множество других полезных вещей. Население семьдесят миллионов, большая часть крестьяне.

Войска можно смело использовать на фронте в Африке. В Гардарике пока во второй линии даже с перспекти-

вой на первую, но лишь на второстепенных направлениях. Склонны к панике, итальянцы, одним словом.

Испания с Португалией ещё тридцать миллионов. Всё, что сказано об Италии, справедливо и для них, только флот слабый, и промышленно развиты хуже Венгрии.

И это вторая сотня Европейских миллионов! Вот как тут уверенно улыбаться фюреру?! Пятнадцать миллионов страны Бенилюкса! Что остаётся Германии и Франции? Сто восемьдесят пять – сто немцев и восемьдесят пять французов.

А каких трудов стоило растолкать Францию! Легионеры сами прекрасно понимали, что в случае поражения Германии им выкрутят руки англичане и русские, а всё-таки кочевряжились!

Прямо пришлось их заманивать, обещать свободу действий, посильную помощь и лично боярина Большова! И как, съели Артёмку? Ещё хотите? А уже поздно воротить рожу, коготок увяз, вся птица в суп. Выход из войны с Гардарикой только через победу, а она может быть лишь обще-европейской.

Без понуканий переходит Франция вместе с Германией на военные рельсы – фронту нужно больше солдат, ещё больше танков, самолётов, пушек, снарядов и всего на свете.

Не, вполне понятно, почему многие бояре в Гардарике не верили в нападение Европы! Сто восемьдесят пять миллионов Франции и Германии против готовых воевать с животным упорством двухсот пятидесяти миллионов русских.

Правда и тех, кто верил, оказалось достаточно, чтобы Европа осталась без выгод внезапного нападения. Они всё сделали, чтобы нападение на их страну обошлось врагу очень дорого.

Европе пришлось тратить технику, людей и время. В результате война продлилась до осени, и на фронте появились первые восточные дивизии. Пусть погибать за русских азиаты не стремятся, просто очень кушать хочется.

Гардарика в основном направляет их на возведение оборонительных сооружений и другое обеспечение. Всё равно этим кто-то должен заниматься. И на войне ведь всегда убивают кого-то другого, а молодой азиат может вернуться домой богатым человеком – европейцев много, и платят за голову хорошо. Европейские планировщики ожидали появление боевых восточных частей.

Они грустно плюсовали к русским миллионам молодых людей с востока. Всех плюсовали, не сомневаясь, что Гардарика спокойно выжмет их страны досуха, и рука не дрогнет.

* * *

Отдельные умники в европейских штабах к осени стали догадываться, с кем же их угораздило связаться. Это совсем не те племена, на которые напала Европа! Их обманули!

Не, русские в глазах умников остались теми же злыми животными...

Ну, более злобными и хитрыми, чем рассчитывалось, просто придётся истребить не всего лишь половину тварей, а процентов семьдесят...

Или даже восемьдесят...

Не, лучше восемьдесят пять!

Впрочем, можно уточнить и после победы, а в ней умники Европы не сомневались. Европа всегда побеждала любых ди-карей, просто эти потребуют больше времени, усилий и особого подхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.